

История Социализма (черновики Бога и Государства)

Михаил Бакунин

1870-1871

Оглавление

Введение	3
1. Порабощение труда, юридическое право, религия и право наследования. (с. 5-10)	5
2. Истоки Государства, Религии и порабощения женщин. – Борьба за существование. – Превращение следствия в причину (с. 21-31)	9
3. Природа. – Истоки идеализма и религии (с. 19-22)	15
4. Бог в древнегреческой философии (с. 29-30)	18
5. Государство и Революция (с. 17)	19
6. Темпераменты. Отцы и дети из рабочего класса	20
7. Становление аристократии. – Привилегии и сословный эгоизм высших классов. – Свобода воли и материализм (с. 59-60)	22
8. Привилегии развращают. – Становление и упадок Аристократии. – Нравственность есть человечность (с. 63-72)	24
9. Бог, Религия, Метафизика, Гуманистический материализм и Позитивная Философия (с. 5-30)	30
<i>I. Тожество Бога и «Я»</i>	30
<i>II. Разрушение религии метафизикой. Почему буржуазия прониклась религией?</i>	32
<i>III. Что дала Метафизика Науке?</i>	36
<i>IV. Гуманистический материализм: право на полноценную жизнь; нравственность; будущее образование; общество и свобода воли.</i>	39
<i>V. Позитивная философия</i>	42
10. Кузен. – От теологии и метафизики к науке (с. 13-14)	43
11. Религиозная нравственность. – Свобода воли и материализм (с. 25-27)	45

Введение

«История Социализма» – это одиннадцать фрагментов рукописей Бакунина. Точно можно утверждать, что в этой работе, с одной стороны, слишком много потерянных фрагментов, а с другой, достаточно много вариантов, налагающихся друг на друга. Эти фрагменты следующие:

- 1) 5-10 страниц (*Порабощение труда, юридическое право, религия и право наследования*)
- 2) 21-31 страниц (*Истоки Государства, Религии и порабощения женщин. – Борьба за существование*)
- 3) 19-22 страниц (*Природа. – Истоки идеализма и религии*)
- 4) 29-30 (*Бог в древнегреческой философии*)
- 5) 17 страницы (*Государство и Революция*)
- 6) Неизвестно какой страницы (*Темпераменты. Отцы и дети из рабочего класса*)
- 7) 59-60 страниц (*Становление аристократии. – Привилегии и сословный эгоизм высших классов. – Свобода воли и материализм*)
- 8) 63-72 страниц (*Привилегии развращают. – Становление и упадок Аристократии. – Нравственность есть человечность*)
- 9) 5-30 страниц (Самый большой фрагмент о религии, метафизике, материализме и позитивизме, 10-й и 11-й фрагменты относятся напрямую к этому фрагменту)
- 10) 13-14 страниц (*Кузен. – От теологии и метафизики к науке*)
- 11) 25-27 страниц (*Религиозная нравственность. – Свобода воли и материализм*)

Между тем, Амстердамский Институт Социальной Истории дал нам небольшое примечание: «Вероятно, написана около 1870-1871 годов. Публикуется впервые» то есть, Институт полагает, что эти рукописи были написаны одновременно с написанием «Кнуто-Германской Империи и Социальной Революции», возможно, такое предположение было сделано на основании иных источников, помимо рукописей, например, писем, к которым мы не имеем доступа.

«Публикуется впервые» означает, что пока что, даже в восьмитомнике Бакунина Артура Ленинга этой работы нет, она еще нигде не издавалась, кроме этого CD-ROM, откуда взят оригинал и переведен.

Как видно из содержания переведенных текстов, эти рукописи представляют собой что-то вроде перефразы или черновика «Бога и Государства» (второго выпуска Кнуто-Германской Империи и Социальной Революции, более известной как «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов»), или даже черновика для «Философских рассуждений». Между тем, из этих рукописей мы можем узнать мнение Бакунина о таких темах (помимо идеализма и материализма) как женский вопрос, появление государств, появление и упадок аристократии, диалектической логике превращения следствия в причину, темпераментов, о сословном эгоизме, о борьбе за существование и так далее. Пока в научной сфере не получается

найти каких-либо более обстоятельных комментариев исследователей насчет этих рукописей.

1. Порабощение труда, юридическое право, религия и право наследования. (с. 5-10)

¹...больше, человек должен был окультурить и в какой-то мере преобразовать природу, применяя к этому труду все более глубокие знания законов природы; он должен был создать свои собственные средства существования и работать, чтобы жить. Поэтому труд – это высший закон и первооснова всего человеческого Общества.

Поначалу этот труд был, несомненно, индивидуальным², как и сегодня в некоторых диких племенах, где потребности человека мало чем отличаются от потребностей окружающих его животных. Но по мере того как работа становилась все сложнее и тяжелее, люди вскоре поняли, что коллективный труд гораздо выгоднее и продуктивнее, чем работа в одиночку. Десять человек, работающих вместе, могут добиться гораздо большего, чем десять человек, работающих по отдельности. Поэтому чем дальше продвигалось человеческое общество по пути цивилизации, тем больше *коллективный труд* становился его основой.

Сегодня все признают одну вещь: только труд производит все общественное богатство, то есть все богатство, имеющее торговую ценность, все, что можно купить и продать, все то, словом, ради чего люди отдают свои силы, свои жизни и слишком часто, увы! ссорятся, ненавидят и убивают друг друга. Но поскольку все это богатство, как мы только что видели, является продуктом коллективного труда, не должно ли оно составлять *коллективную собственность* всех работников, которые помогли его произвести?

Да, согласно человеческому праву. Нет, согласно *юридическому праву*. Но откуда взялось это юридическое право? Оно возникло из насилия, освященного лицемерием; его источники – *Государство и Церковь*.

Попытки основать индивидуальную собственность, как она существует сегодня в каждой стране, на труде – пустая фикция. Реальная, историческая основа этой собственности – не труд, а завоевание.

Завоевание – это грубое нарушение справедливости, насильственное отрицание всех человеческих прав, это торжество беззакония и скотства. Это продолжение войны на взаимное уничтожение, которую ведут плотоядные животные, с той разницей, что животные сразу же пожирают свою добычу, тогда как люди, будучи животными, наделенными способностью соединять и осмысливать свои инстинкты, а значит,

¹ Зачеркнуто «Поэтому человек должен работать, преобразовыв», «Чтобы удовлетворить их, ему пришлось отдать».

² Переход от индивидуального труда к коллективному, если и происходил, то скорее всего произошел еще в бытность обезьяной.

предвидеть завтрашние потребности, не только сохраняют завоеванную у врага добычу, но и способствуют ее процветанию и росту благодаря труду побежденных, которые стали их рабами.

Цель, которую завоевательные народы преследуют в войне, когда они достигают определенной степени мысли и зрелости, заключается не столько в грабеже накопленных богатств, сколько в порабощении коллективного труда побежденных народов, чтобы иметь возможность регулярно, ежегодно потреблять продукт: *Жить, не работая*, – таков всегда был идеал и честь всех воинов, наций, классов и отдельных людей. *Работать, не живя*, напротив, до сих пор было уделом трудящихся масс всех стран.

Воины и рабы! Это первые две социальные категории, первые две касты, с которыми мы сталкиваемся в истории.

Но человек, воображающее и мыслящее животное, не может довольствоваться только фактами. Ему нужна мысль, воображение, истинное или ложное, чтобы объяснить, оправдать и освятить факт. И победитель, и побежденный нуждаются в ней, чтобы облегчить совесть одного и успокоить и утешить стыд и отчаяние другого. Это более или менее изобретательное, продуманное воображение предоставляет религия.

Все Боги, от самых грубых Божеств языческого культа до доброго Бога христиан, всегда выступали на стороне сильных против слабых, победителей против побежденных. Все религиозные культы, в свою очередь, освящали акт победоносного насилия, завоевания. Не зря и сегодня все короли и даже республики, такие как Соединенные Штаты Америки, в начале каждой войны призывают Бога битвы – Божественная слава всегда основывалась на нищете и рабстве людей, и нет ни одного религиозного культа, который не был бы крещен в крови.

Как только божественная идея вмешивается в человеческие отношения, человеческая справедливость исчезает. Уже не нужно знать, кто прав, а кто виноват; достаточно знать, что божественная воля провозглашена в пользу того-то и того-то; а поскольку эта воля всемогуща, и против нее ничто не может быть достигнуто, поскольку без нее не может быть триумфа, то следует, что эта воля, всегда выраженная свершившимся фактом, всегда на стороне победителя.

В этом убеждении победитель черпает чувство и идею своего права, а побежденный – чувство и идею своего долга. Таково происхождение *юридического права*.

Всякий раз, когда в истории происходил отвратительный акт торжествующего насилия, великая резня, за которой следовало великое разграбление, всегда находились жрецы какого-нибудь Божества, религиозного культа, Церкви, чтобы благословить и освятить его, объяснив как действие Божественной воли. В этом отношении христианская религия ничем не лучше всех предшествующих ей религий, и даже сегодня мы не видим, как служители различных христианских культов горячо выступают на стороне эксплуататоров, угнетателей и мучителей против всех эксплуатируемых, угнетенных и мучимых на земле, которым они не перестают проповедовать покорность и смирение.

На протяжении всей истории мы видим, как повторяется одно и то же. Жестокий факт завоевания или разграбления всегда предшествовал объяснению и освящению

этого факта религией; и это освящение несправедливого, бесчеловечного факта, как я уже говорил, является источником того, что называется *юридическим правом*, – исторической основой *собственности*.

Если бы, как утверждают буржуазные экономисты, основой собственности был труд, то все трудящиеся должны были бы быть собственниками. Но мы видим, напротив, что огромное большинство трудящихся во всех странах не владеет ничем, и что движимое и недвижимое имущество находится в руках тех, кто сам не работает, эксплуатируя труд пролетариата. Неоспоримо, что все материальные блага, составляющие собственность, созданы трудом, но столь же очевидно, что вид или форма собственности, то юридическое определение, которое заставляет монополизировать эти блага в руках одного индивида, исключая всех остальных, имеет совершенно иной и противоположный источник: отрицание, или эксплуатация и ограбление, труда. –

Всегда было задачей и целью *юридического права*, чтобы это ограбление происходило регулярно, систематически и было признано всеми оправданным или законным. Отсюда следует, что единственная миссия юридического права – придать произволу видимость справедливости и превратить результат насильственного ограбления или кражи в оправданную собственность; чтобы, словом, дважды два стало пять; чтобы ниспровергнуть человеческий разум и человеческую справедливость и основать на их руинах – торжество глупости и несправедливости – торжество привилегий.

Для этого требовалось чудо, иными словами, божественное нарушение как естественных законов, так и человеческого разума и человеческой справедливости. Но чудеса совершаются, или, скорее, в них верят, и допускаются только религией, поскольку всякая религия никогда не имела иной цели или следствия, кроме как нарушать и искажать человеческую справедливость и разум. Таким образом, в идеальном смысле, то есть с точки зрения родства идей: собственность проистекает из юридического права, а юридическое право – из религии, – тогда как в материальном или реальном порядке именно факт завоевания или жестокого и насильственного ограбления является отправной точкой и исторической основой всех религий, всех развитий юридического права и собственности.

Так уж повелось, что юридическое право проистекает из религии, что все первые законодатели, известные истории, были одновременно и религиозными откровенниками. Правосудие, или, скорее, то, что называлось правосудием, сначала осуществлялось жрецами, и все его действия обязательно сопровождалось религиозными церемониями. Таким образом, теология и юриспруденция имели при своем зарождении один и тот же источник: божественную волю, явленную тем или иным способом, и одних и тех же толкователей – служителей какого-либо религиозного культа. Позднее, по мере дальнейшего развития, одна – в исключительно божественном, другая – в мирском или земном смысле, они разделились, сохранив при этом глубокую естественную близость. Таким образом, в первобытном обществе образовались две новые касты или класса: жрецы, – церковь, – и юристы или адвокаты, – форум. Каждая из этих каст развивала и применяла особую науку: жрецы создавали *теологию*, а юристы – *юриспруденцию*.

Обе эти науки обязательно применяют, та и другая, простую человеческую логику для развития своего фундаментального принципа, и та и другая стремятся придать рациональную форму абсурду. Но обе они неизбежно ведут к абсурду, потому что принцип или отправная точка каждой из них – один и тот же абсурд, только в двух разных формах: Бог или абсолютный разум – в теологии; Бог или абсолютный произвол – в юриспруденции; и выражается в обеих лишь примитивный факт торжествующего и жестокого насилия: ограбление, завоевания, резня.

Юриспруденция поначалу была очень простой. Смешанная с религиозными формулами, она определяла отношения и права класса завоевателей по отношению к завоеванным землям и поработанному населению. И то и другое, естественно, делилось между завоевателями в неравных долях, согласно с соответствующей силой каждого, и сохранялось в их семьях по *праву наследования*.

Право наследования – это вовсе не естественное право, как хотели бы нас сегодня убедить; это не один из тех первобытных, естественных или, так сказать, инстинктивных обычаев, которые встречаются в общественной жизни еще не цивилизованных народов. Это исключительно юридическое право, и как таковое оно вытекает из жестокого факта завоевания, освященного религией.

Сама идея права подразумевает завоевание, подразумевает эту ложь победившей силы с религиозной идеей.

2. Истоки Государства, Религии и порабощения женщин. – Борьба за существование. – Превращение следствия в причину (с. 21-31)

...вырождения Государств.

Чтобы сделать его¹ более честным, следовало бы добавить историческую картину рабства, нищеты и насильственного одурачивания этих бесчисленных миллионов порабощенных трудящихся – варварского угнетения и безжалостной эксплуатации этих народных масс, которые везде, и сегодня, как и всегда, не имеют другой миссии ни других прав, кроме как приносить себя в жертву процветанию Государств, для которых они являются грубым сырьем и, без сомнения, основной опорой, – но опорой, которая всегда приносится в жертву, закованной, подавляемой.

Чтобы сделать его полным, нужно было бы добавить еще рассказ о гигантских, героических усилиях человеческого ума, который пробудился и постепенно освободился от тьмы животного инстинкта, взяв человеческое общество в его первобытном состоянии стада горилл, когда люди еще имели скотский обычай свободно пожирать друг друга, – как это делают и сегодня некоторые дикие племена, – привело его через очень долгий путь развития и часто даже через такие же глупые, как и нравственно чудовищные изменения к признанию, по крайней мере в идее и в праве, равного достоинства людей; К этому следует добавить мученичество этих великих людей, не людей политики, но человечности – историю этих свободомыслящих людей и их последователей – вечных врагов политики, которые благодаря череде величественных жертв, продиктованных высокой интеллектуальной и нравственной страстью, наконец сумели пробудить человеческое сознание в массах.

Когда думаешь о том, что предками человека были свирепые звери, которые по своему строению были скорее родственниками горилл, то начинаешь гораздо снисходительнее относиться к злодеяниям привилегированных классов и всех палачей человечества. Зверство и жестокость были отправной точкой. Человечность же – цель истории. Вот объяснение всех исторических бедствий и горя. История человеческого общества, непосредственное и прямое продолжение истории органического мира, является естественным развитием.

Это закон природы, что самые умные и сильные животные пожирают менее умных и слабых. «Борьба за жизнь» – the struggle for life – которая, по мнению господина Дарвина, является главной движущей силой всего развития органической жизни, также лежит в основе любого общественного движения; с той разницей, что

¹ Возможно, имеется ввиду «рассказ» о сущности и истории государства.

материальные потребности в пище и продолжении рода усложняются. Под влиянием столь же обязательной материальной и постоянной необходимости рождения и развития, как интеллектуального, так и нравственного, человеческого сознания.

²[[Однако никогда не забывайте: человек сначала ест, а потом думает. Материальная жизнь и условия этой жизни составляют основу, отправную точку; а мысли, идеи, нравственные чувства являются лишь их выражением, следствием и венцом. Аристотель первым сказал: чтобы человек мог начать думать, сначала должны быть удовлетворены его основные материальные потребности. Вся история показывает нам, что интеллектуальное и нравственное развитие абсолютно зависит от более или менее удачного сочетания условий их материального существования. Кто может сказать, какого уровня достигнет человечество в тот день, когда каждый человек сможет потреблять по полкило³ мяса в день!

По своей первобытной природе человек является плотоядным и свирепым животным; ведя себя таким образом в начале своей истории, он сначала рассматривал чужого человека только как такое же плотоядное и свирепое существо, чрезвычайно опасное, которое хотело убить его, чтобы съесть, и которое при этом также было хорошей пищей. Ему, несомненно, потребовались огромные умственные усилия и очень длительное историческое развитие, чтобы понять, что он извлечет гораздо большую пользу, сделав его своим рабом и заставив работать на себя – Но как только рабство вошло в обычай, укоренилось, оно привело к необходимому появлению Государств.

Вначале Государство не могло быть ничем иным, как грубым узакониванием рабства. Это рабство было двойным: семейное рабство, подчиненной абсолютной власти мужа и отца, и рабство рабов, составлявших собственность семьи. – Оба вида рабства были санкционированы Религией.

В другой работе, которую я собираюсь вскоре опубликовать под названием «*Революционный вопрос – Федерализм, Социализм и Антиатеологизм*», я исследовал антропологические и психологические корни религии. Поэтому здесь я ограничусь лишь констатацией факта, подтвержденного всей историей и вытекающего из самой природы Религии.

Вопреки мнению идеалистов всех мастей, теологов и метафизиков, которые утверждают, что все известные в истории политические и общественные факты были результатом различных религиозных систем, я считаю, что все религии были лишь последующим благословением ранее произошедших событий. Нет сомнения в том, что, однажды утвердившись как система в сознании людей и как официальное учреждение в обществе, религия сама становится источником, причиной новых фактов и новых политических и общественных отношений, которые, развиваясь все больше и больше, в конечном итоге изменяют саму религию и часто даже полностью уничтожают ее или превращают в совершенно новую религию, которая тогда представляется отрицанием первой, хотя, по крайней мере в этом отрицательном смысле, почти всегда является ее продуктом.

² Такие скобки означают, что фрагмент зачеркнут. Значительная часть рукописи зачеркнута, более того, некоторые места видимо зачеркнуты прежде этого большого зачеркивания.

³ В рукописи неразборчиво (пол-, demi-), переводчик вставил слово «кило».

⁴Религия была, естественно, первой формой проявления пробуждения и примитивного развития человеческого сознания у человека-гориллы, и поскольку рождение, а также большая или меньшая способность к интеллектуальному развитию у человека зависят, как я уже отмечал, от совокупности определенных материальных, экономических условий, то есть от обеспеченного и в некотором роде гарантированного удовлетворения первых жизненных потребностей, – то можно понять, что самые первые религиозные народы должны были появиться сначала среди тех многочисленных диких племен, которые благодаря благоприятным этнографическим условиям были наиболее облагодетельствованы природой с точки зрения их физиологической и, следовательно, психологической организации; и что в этих же племенах они зародились в первую очередь в политически и социально привилегированных классах. –⁵

Развитие мысли предполагает наличие свободного времени, а свободное время в первобытных обществах можно было завоевать только за счет принудительного труда рабов. Поэтому первыми религиозными мыслителями были, естественно, рабовладельцы. Отсюда следует, что первые религии должны были зародиться среди народов-завоевателей и были созданы, открыты и распространены людьми, принадлежавшими к привилегированным классам. Что же может быть более естественным, чем то, что они наивно освятили привилегии небольшого числа людей и рабство поработанных масс? – Так родилось политическое и юридическое *право*, которое в своем происхождении было ничем иным, как религиозным освящением жестокого факта завоевания.

Таким, без исключения и за некоторыми изменениями, было общее дело всех древних религий Азии. Деление общества на касты, – будучи результатом естественной борьбы между различными человеческими группами и порабощения малоинтеллектуальных масс более интеллектуальными племенами, которые, естественно, оказались сильнее, – это деление позднее стало учреждением религиозным, и политическим.

Первое разделение было, естественно, разделением на завоевателей и побежденных: победившие племена составляли *аристократию*, поработанные племена – *народ-раб*. Религия первых неизбежно навязывалась вторым и закрепляла от имени какого-либо Божества *исключительное право победителей*...

Эпоха преобразования факта насильственного присвоения чужого имущества и чужого человека в политическое и социальное право посредством религиозной санкции последовала вскоре за эпохой, когда кочевые народы, скотоводы или охотники, став оседлыми, начали требовать от земледелия средств к существованию, которые были необходимы в связи с их численным ростом. Настоящая собственность, ко-

⁴ Зачеркнуто: «Религия была, естественно, первой формой проявления прогрессивного пробуждения человеческого сознания у человека-гориллы, а развитие интеллекта зависело, как я уже отмечал, абсолютно зависит от определенных материальных, экономических условий, – то понятно, что самые первые религиозные народы должны были появиться сначала среди племен или человеческих скоплений, которые благодаря благоприятным этнографическим условиям были с физиологической, а следовательно, и с психологической точки зрения наиболее благоприятно обеспечены природой; и в пределах этих же племен, среди классов»

⁵ Следующие два предложения в следующем абзаце были изначально частью этого абзаца, только в самом начале есть слова «Рождение и [развитие мысли]...».

торая первой была освящена религиозным сознанием и как таковая установлена и определена правом, – собственность на землю – могла зародиться только в среде земледельческого и оседлого народа, поскольку само существование кочевых народов было явным отрицанием этого права.

Кочевые народы не могут использовать и даже признавать собственность на землю, и они совершенно не нуждаются в услугах рабов. Их занятия и средства к существованию настолько просты, что труда членов каждой семьи вполне достаточно для ее содержания. Рабство среди кочевых народов является чрезвычайно редким явлением.]]⁶

Они могут существовать как исключение, но никогда как правило. Их жизнь настолько нестабильна, что в ней нет места для права. Они руководствуются обычаями, привычками и нравами, сформированными древней традицией, но никогда законом. А религия, которая является источником права, даже религия первобытных кочевых народов была настолько расплывчатой, неопределенной, настолько чуждой любой хорошо сформулированной и четко определенной для всех теологической идеи, что, без сомнения, была неспособна установить какое-либо право. – Религии первобытных народов, как известно, не имели священников. Но может ли без этих продавцов Божества в розницу существовать почтенная религия?

«Таким образом, (первобытная) религия, – говорит господин Фюстель де Куланж в своей замечательной работе под названием *«Древний Город»*⁷, – не находилась в храмах, а в домах (или в хижинах дикарей), у каждого были свои Боги, каждый Бог защищал только одну семью и был Богом только в одном доме. Невозможно разумно предположить, что религия такого рода была открыта людям благодаря мощному воображению одного из них или что она была им преподана кастой жрецов. Она родилась спонтанно в человеческом уме; ее колыбелью была семья; каждая семья создала своих Богов. – Эта семья могла распространять его только через поколения. Отец, давая жизнь своему сыну, одновременно передавал ему свою веру, культ, право содержать дом, предлагать траурную трапезу (духам предков), произносить молитвы» – «Но следует отметить одну особенность: домашняя религия передавалась только по мужской линии» – «женщина участвовала в ней только через своего отца (или старшего из братьев) или мужа, а после его смерти она не имела такого же права, как мужчина, на участие в культе и церемониях поминальной трапезы. Это имело очень серьезные последствия в частном праве и в устройстве семьи»... (с. 39-40)

Господин Фюстель де Куланж объясняет исключение женщин из непосредственного культа в древнем обществе «представлениями мужчин о зачатии. Верование первобытных веков, которое можно найти в Ведах и следы которого прослеживаются во всем греческом и римском праве, заключалось в том, что репродуктивная способность принадлежала исключительно отцу. Только отец обладал таинственным началом и передавал искру жизни...» (с. 40).

Я считаю, что господин Фюстель де Куланж ошибается, выводя религиозное, политическое и социальное подчинение женщины мужчине из мистического и совершенно ложного представления, которое древние сформировали в отношении

⁶ Конец зачеркнутого фрагмента. Далее текст не зачеркнут.

⁷ La Cité antique

естественного процесса деторождения. В действительности, как я уже имел возможность заметить, в истории человеческого развития факты предшествуют идеям, что не мешает последним впоследствии изменять и преобразовывать первые.

Первобытные представления первых людей, вероятно, были везде и во всех вопросах лишь освящением, несомненно очень грубым объяснением, верным выражением уже существовавших фактов. Следовательно, реальное подчинение женщины в естественной организации семьи и общества должно было предшествовать религиозной, мистической, юридической и позднее метафизической теории ее физической, но прежде всего интеллектуальной и нравственной неполноценности – теории, которая, однажды утвердившись в религиозном сознании общества, не могла не стать в свою очередь главной и действенной причиной все более реальной неполноценности.

Каковы были естественные причины подчинения женщин в стадах человекообразных обезьян, когда в результате медленного прогрессивного пробуждения аналитического, но в первую очередь воображающего интеллекта они постепенно превратились в человеческие общества? –

Прежде всего, физическая слабость женщины; мужчина по природе сильнее, а женщина более хрупкая, чем он. Эта хрупкость, тонкость строения, преобладание нервной системы над мышечной связаны у женщины с самыми прекрасными качествами как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане⁸. Женщина отличается от мужчины⁹, но это ни в коей мере не мешает ей быть ему совершенно равной¹⁰, и пользоваться в полной мере теми же правами во всех отношениях.

Обладая теми же способностями, что и мужчина, женщина способна думать, чувствовать и хотеть всего того же, что и он; правда, она часто делает это по-своему и со своей точки зрения, что, далеко не будучи недостатком, наоборот, должно дополнять и делать более живыми, более совершенными нашу волю, наши чувства, наши мысли. Говорят, что мужчина обладает большей способностью к абстрактному мышлению, что делает его более способным к пониманию науки, политики, управления, правосудия. – Это еще не доказано, и утверждать это можно будет только тогда, когда образование и воспитание, предоставляемые мальчикам и девочкам, станут равными. Но даже если предположить, что это правда, мы обнаружим, что женщина в гораздо большей степени, чем мужчина, обладает чувством, осмысленным восприятием живого и реального мира, конкретного, что защищает ее от заблуждений и несправедливости, в которые мужчина часто втягивается ложными абстракциями. Если ум мужчины можно сравнить с телескопом, охватывающим бесконечное, то ум женщины следует сравнить с микроскопом, открывающим бесконечно малое; и кто осмелится утверждать, что последний менее интересен, менее важен в науке и практической жизни, чем первый? –

⁸ le rapport de l'intelligence que du coeur

⁹ Зачеркнуто «[но это ни в коей мере не мешает ей быть ему совершенно равной и пользоваться в полной мере теми же правами во всех отношениях.] [она думает, чувствует и хочет всего того же, что и он, часто по-своему и со своей точки зрения; что далеко не является недостатком, а, напротив, должно дополнять и совершенствовать наши чувства, нашу волю, наши идеи и, следовательно, не может помешать женщине быть во всех отношениях равной мужчине]»

¹⁰ Зачеркнуто «и что, обладая такими же способностями, как и он, хотя они часто проявляются по-разному, она должна пользоваться всеми правами во всех отношениях».

Опять же, в состоянии религиозного, политического и гражданского рабства, в котором женщина находится до сих пор, невозможно судить о ее действительных способностях или неспособностях. Это рабство является источником всех ее недостатков, всех ее нынешних слабостей, а также и наших. Мы сами являемся рабами этого рабства и в то же время развращенными жертвами нынешнего падения женщин, которое само является неизбежным следствием этого рабства. Ни одно человеческое существо, способное к мысли, не может быть по существу нравственным, кроме как через свободу и равенство.

Наш век, удостоившийся чести освободить негров, не может не добиться в скором времени гражданского и политического равенства женщин. Только грубость диких народов и элегантная жестокость, грязное и деспотическое галантность знатных аристократов и буржуа всех стран могут помешать этому. Но они будут побеждены в этом вопросе, как и во всех других. Освобождение женщин, являющееся в высшей степени социальным вопросом, будет идти рука об руку с освобождением рабочих в Европе. В Англии этот вопрос уже стоит остро, а в Соединенных Штатах Северной Америки, которые сегодня опережают Европу, он практически решен. В России он развивается и бурно обсуждается, несмотря на все жестокие меры жестокого правительства, в то время как Франция продолжает гнить в своей лицемерной галантности, а Германия – в своем искреннем презрении к женскому полу. Этот вопрос жизненно важен для будущего народов, поскольку степень освобождения, которую они осмелятся предоставить своим женщинам, будет его мерилем.

Освобождение рабочих и женщин – вот последнее слово в истории. Их рабство было первым. Я сразу же вернусь к рабству рабочего класса. А сейчас поговорим о рабстве женщин. В начале истории оно было естественной необходимостью.

3. Природа. – Истоки идеализма и религии (с. 19-22)

...и который, покрыв свою поверхность всеми великолепиями органической жизни, продолжает создавать человеческий мир: общество со всем его прошлым, настоящим и будущим развитием.

Теперь мы понимаем, что в сотворении, понимаемом таким образом, не может быть и речи о предварительных идеях или предначертанных, предустановленных законах. В действительном мире все факты, порожденные сочетанием бесчисленных влияний и условий, появляются раньше, – затем с мыслящим человеком приходит сознание этих фактов и более или менее подробное и совершенное знание того, каким образом они произошли, – и когда в любом порядке фактов мы наблюдаем, что один и тот же способ или один и тот же процесс повторяется часто или почти всегда, мы называем это *законом* природы.

Под этим словом: *природа*, мы понимаем не какую-то мистическую, пантеистическую или субстанциональную идею, а просто совокупность существ, фактов и реальных процессов, которые порождают этих последних. Очевидно, что в природе, определенной таким образом, – несомненно, благодаря совпадению одних и тех же условий и влияний, а также, возможно, благодаря тенденциям, однажды подхваченным потоком вечного творения, – тенденциям, которые в силу того, что повторялись слишком часто, стали постоянными, – очевидно, говорим мы, что в определенном порядке фактов всегда воспроизводятся одни и те же законы, и только благодаря этому постоянству процессов в природе человеческий разум смог наблюдать и распознавать то, что мы называем механическими, физическими, химическими и физиологическими законами; – Это также причина почти постоянного повторения родов, видов и разновидностей, как растительных, так и животных, в которых органическая жизнь до сих пор развивалась на земле. Это постоянство и повторяемость не являются абсолютными. Они всегда оставляют широкое поле для того, что мы неправомерно называем аномалиями и исключениями, – очень несправедливое выражение, поскольку факты, на которые оно ссылается, лишь доказывают, что эти общие правила, признанные нами в качестве естественных законов, будучи всего лишь абстракциями, взятыми нашим разумом из реального развития вещей, не в состоянии охватить, исчерпать и объяснить всё неограниченное богатство этого развития. Более того, как так ясно показал Дарвин, эти так называемые аномалии, сочетаясь все чаще и закрепляясь, создавая как бы новые привычные процессы, новые способы воспроизводства и существования в природе, как раз и являются тем способом, которым органическая жизнь порождает новые разновидности и виды. Именно так, начав с простой, едва организованной клетки и пройдя через все

преобразования растительной, а затем и животной организации, она превратилась в человека.

Будет ли человек всегда оставаться последним и наиболее совершенным органическим продуктом на этой земле? Кто может сказать наверняка и поклясться, что через несколько десятков или несколько сотен веков из высшей разновидности человеческого рода не возникнет вид существ, превосходящих человека, которые будут относиться к нынешним людям так же, как сегодня он относится к горилле? В любом случае, пусть наше тщеславие будет спокойно. Природные процессы протекают очень медленно, и ничто в нынешнем состоянии человечества не указывает на то, что оно может породить высший вид. Более того, разве в историческом развитии человеческого мира природа не продолжает свою работу по вечному сотворению? Не ее вина, что мы отделили в своем сознании этот мир, человеческое общество, от того, что мы называем исключительно природным миром.

Причина этого разделения кроется в природе нашего разума, который долгое время после своего пробуждения, можно сказать, вплоть до XVIII века и даже до наших дней, наблюдая себя только в явлениях¹, а не в физиологических и реальных условиях своего происхождения, своего развития и своего собственного действия, и, следовательно, осознавая себя не как естественный продукт, а как ту абстрактную силу, которая отделяет человека от внешнего мира и от самого себя как материально существующего существа, и сегодня чаще всего презирует свою настоящую мать: природу или организованную материю, и ищет фиктивного отца в *абсолютной абстракции*, неосознанно созданного им самим и низведенного, подобно Богу, предполагаемому создателю и распорядителю всех вещей, на выдуманные небеса. Все религии, говорили мы, все теологии и вся метафизика основаны на этой оптической ошибке, на мираже, который, хотя и исторически необходим, тем не менее ложен.

Теоретические и практические последствия этой ошибки были и остаются огромными как для науки, так и для индивидуальной, политической, экономической и социальной жизни. Едва выйдя из младенческого и юношеского возраста, Религия, эта первая форма коллективного сознания человека, после обожествления природы сначала как Фетишизм, затем как Пантеизм или индийский натурализм, позже как культ человеческой красоты в Греции, движимая присущей разуму необходимостью, наконец, поднялась до концепции единого Бога. Но божественное единство, задуманное Религией, могло быть только абстрактным – это была сама абстракция разума, представляющая себя как отрицание всех вещей,² действительно существующих, всего реального и живого мира, как отрицание пространства и времени, всякого движения, всякого реального содержания, всякой жизни, – как единственное Существо, внеземное, вечное и в своей неизменной вечности – по религиозной фантазии, Все-абсолют, но в действительности абсолютная пустота: последний и единственно возможный продукт способности нашего разума к абстрагированию, когда, преодолев на этом пути абстракции все реальные объекты, единственно способные

¹ phénomènes

² Зачеркнуто «всего живого и реально существующего, всего живого мира, отрицание пространства и времени, всякого движения, всякой жизни: внеземное Бытие, абсолютное и в своей неизменной Вечности».

его заполнить, придя, наконец, за неимением объектов, к состоянию абсолютной пустоты, он самого себя представляет себе же как объект.

Это, по сути, единый Бог всех монотеистических религиозных систем. Бесконечно бедный сам по себе, он наполняется и обогащается только благодаря своим предполагаемым отношениям с миром: с природой и человеком. Но чем больше он действительно...

4. Бог в древнегреческой философии (с. 29-30)

Метафизика Платона, таким образом, была не чем иным, как теоретической репетицией – мыслью, уже действующей как чистая мысль, правда, но еще не осознающей себя таковой – практического религиозного акта, посредством которого верующий человек преклоняет колени перед своим собственным творением – Богом – и обожает его как своего Создателя.

Аристотель был первым античным философом, изучившим природу нашего разума. Не имея возможности из-за недостатка физиологических знаний найти его естественное происхождение, он изучил его явления и описал его процессы в своем трактате по логике. Благодаря этому исследованию он понял, что идеи Истины, Справедливости и Красоты, представленные Платоном как множество вечных проявлений Божества, являются лишь творениями разума, и как таковые он вернул их человеку, не осмелившись прикоснуться к Божественному существу, также созданному нашим разумом, но которое он оставил в его предполагаемой независимости, как «неподвижного Устранителя» всех вещей. –

Таким образом, губительная идея существования Бога вышла из рук великих философов античности не только целой, но и более сильной, чем когда-либо. Это объясняет, почему античный мир был основан исключительно на рабстве, ведь, как мы уже показали, идея всемогущего Бога и реальность человека как раба неразделимы.

Печальный конец греческой философии хорошо известен – она недолго пережила уничтожение политической свободы полисов Греции. Она пришла в упадок, лишившись возбудителя всей жизни: Свободы, она совершенно утратила энергию творческой мысли и затерялась в [бреднях?] рабской риторики и в мистике, даже в спиритизме, – этом последнем утешении бессильной старости, которая отчаялась в возможности спасти себя разумом и не хочет умирать. А на месте молодых, умных, демократических и свободных Афин теперь Александрия, новая столица Греции и Востока вместе взятых, которая становится также столицей дряхлого и порабощенного греческого разума.

Однако перед смертью этот великолепный ум, имевший бессмертную славу свершителя первых актов человеческого освобождения, еще пролил последний великий свет на завоевания, сделанные им вслед за Аристотелем, первым отцом истинного знания, в области позитивных наук, особенно математики, астрономии и физики. В течение двух веков, прошедших после смерти Александра, этого великого палача [Греции, от [неразборчиво] великих [Энклидов?] до [Птолемеев?] включительно]²

¹ Также зачеркнуто «-убийцы Элленической свободы,».

² На полях: 1701. Секта английских вольнодумцев –

5. Государство и Революция (с. 17)

*...здесь так что я начну с этого»*¹ – это обвинение, которое сторонники реакции всегда выдвигали в качестве кровавого упрека сторонникам Революции, вполне заслужено в том смысле, что все Революции, которые произошли до сих пор, на самом деле не имели иной цели, кроме как переложить привилегии, гарантированные Государством, из рук одного класса в руки другого. Ни одна из них еще не привела к освобождению народа. Народ всегда служил средством, но никогда целью. Ни одна революция не произошла без него, ни одна – для него. То есть все они имели целью какое-либо изменение в Государстве, но ни одна – роспуск самого государства.

Государство – вот великий враг, вечный угнетатель народов!

[на полях:] По признанию самих унитаристов, народы настолько непатриотичны, что для роспуска всех государств достаточно лишь немного серьезной свободы, так кто же тогда патриот? Кто-то же должен им быть в государстве

¹ *là, pour que je m'y mette»*

6. Темпераменты. Отцы и дети из рабочего класса

Копия, сделанная неизвестной рукой

...всегда был очень плохим работником, даже если у него было много детей, которых нужно было кормить.

Бережливость, экономичность, как и трудолюбие, в гораздо большей степени зависит от темперамента и привычек, чем от раздумий и обязанностей, налагаемых семьей. Одни натуры упорядочены, консервативны и бережливы, другие – более либеральны, расточительны и беспорядочны. – Первые часто бывают жадными, вторые – бесстыдными. И те и другие могут и должны быть изменены воспитанием, а затем привычками разумного существования – что уведет одних от алчности и эгоизма, других – от легкомыслия и разврата, которые рождаются от беспорядка, но мы можем с уверенностью предсказать, что, какое бы воспитание и привычки мы им ни дали, первые всегда будут более прилежными, более настойчивыми и более бережливыми, чем вторые, что ни в коем случае не помешает последним компенсировать это другими качествами, столь же полезными, но которых нет у первых.

Что еще мы видим в рабочих классах? Хотя и те и другие с детства одинаково приучены к труду, кто работает энергичнее – отец с детьми, которых нужно кормить, или молодой человек без семьи? Почти всегда последний. А почему? Очевидно, потому, что он меньше обременен заботами, у него более смелое, легкое и свободное сердце, чем у отца, который, чтобы прокормить семью, чаще всего вынужден заставлять своих бедных детей работать в том возрасте, когда труд убивает и душу, и тело. Здесь право наследования перевернуто, потому что здесь убивают детей, или, скорее, убивают их в интересах их родителей.... В какой категории мы находим больше беспорядочных работников, больше пьяниц? Опять же, и по той же причине, среди отцов семейств. Так что неправда, что рабочие классы, составляющие подавляющее большинство населения в каждой стране, работают только из любви к своим детям, которым, к тому же, человек из народа никогда или почти никогда не оставляет наследства. – Это не относится и к промежуточному классу, занимающему среднее положение между собственно народом и аристократией капитала или ренты. – Эта толпа молодых людей, усердно работающих в государственных учреждениях, в промышленности и торговле, работает прежде всего по необходимости, затем по привычке, по рутине, а наиболее честолюбивые из них – из желания как можно скорее вырваться из тяготящей их посредственности и занять более почетное общественное положение. – Одни работают из тщеславия, другие из честности, все в большей или меньшей степени из любви к труду, потому что труд для человека не

только внешняя обязанность, но и внутренняя необходимость, столь же присущая его природе, как у пчелы или муравья, – но никто из них не работает и не экономит из любви к еще не существующим детям. Это была бы слишком метафизическая любовь!

Отцы семейств обычно не самые трудолюбивые. Правда, им приходится больше экономить, ведь содержание семьи обходится недешево, особенно если на пути встает тщеславие мадам или даже отцовское тщеславие и честолюбие. Но сколько из них зарабатывают достаточно, чтобы иметь возможность оставить наследство своим детям? Это самое незначительное число. – Большинство счастливы, когда им удастся дать детям образование, как это было раньше, и обеспечить их при жизни.

Остаются богатые. Те, кто редко работает в собственном смысле этого слова, довольствуясь тем, что заставляет работать своих [работников?]...

7. Становление аристократии. – Привилегии и сословный эгоизм высших классов. – Свобода воли и материализм (с. 59-60)

Копия, сделанная неизвестной рукой с исправлениями, сделанными рукой Бакунина.

¹[...это естественное господство становится привычкой, а привычка, с помощью какого-нибудь доброго Бога, какого-нибудь попа и какого-нибудь чуда, постепенно и чаще всего неощутимо превращается сначала в личное право, затем в наследственное.

Но по мере того как «аристократия на деле» превращается в «аристократию по праву»², меняется и ее природа. Как естественно, что при своем возникновении она состояла из лучших и самых преданных граждан, так непогрешимо, что, неизбежно ухудшаясь самого начала своего характера, она в конце концов будет держать в себе худших, – и это по многим причинам: сначала она формируется бессознательно, стремясь служить не исключительным интересам отдельного политического сословия, который, находясь только в процессе формирования, еще не существует, – а общественному благу. На этой стадии своего развития она может состоять только из лучших в нравственном и интеллектуальном отношении граждан; она прогрессирует и сияет чистым блеском, как всякая молодая сила на подъеме; – она приобретает тем большее доверие, влияние и силу, что ничего или почти ничего не ищет для себя. Таким образом, даже не стремясь к этому, она устанавливает свою власть, после чего факт ее господства незаметно превращается силой привычки в право, признаваемое всем сообществом, – и, несмотря на это превращение, еще несколько поколений остается полезной аристократией: поддерживаемая первым импульсом и своими первоначальными чувствами, она продолжает двигаться вперед. Но в то же время, когда она продолжает продвигаться, по крайней мере внешне, по тому же пути, в ней немедленно начинают развиваться все недостатки, все пороки, весь сословный эгоизм, словом, все роковые последствия все более привилегированного положения.]

И логика, и история говорят нам, что ничто так не развращает в нравственном отношении, как исключительное и привилегированное положение, особенно когда к этому положению начинают прилагаться материальные преимущества и удовлетворение общественного тщеславия. Честолюбие, тщеславие и жадность – три смертных греха любой аристократии, любого привилегированного сословия: клерикального,

¹ В квадратных скобках – зачеркнуто.

² Кавычки – переводчик.

дворянского или даже, как сегодня, просто буржуазного, особенно когда, преодолев все препятствия, это сословие наконец достигает апогея власти. – С этого момента оно отступает в свое приобретенное положение и, сосредоточиваясь на своих собственных, исключительных интересах, которые отделены от интересов всего сообщества и чаще всего противоположны им, становится отсталым, узколобым, эгоистичным, глупым и решительно губительным. Об этом свидетельствует вся история: как политическая история государств, так и естественная история человеческого общества.

Политическая история показывает нам, что в каждую эпоху и в каждой стране не только аристократии, завоевавшие свое положение силой оружия, были, в силу самого происхождения своей власти и привилегий, насильниками всех прав, врагами и прирожденными эксплуататорами труда поработенного населения, – но даже те, кто поднимался мирным путем, благодаря реальным заслугам перед своими согражданами, всегда заканчивали угнетением этих последних, эксплуатацией, порабощением и разрушением той самой родины, которую их предки помогли сделать процветающей. В основе этого единодушия истории лежит естественный закон, который мы должны принять как фундаментальный принцип всей социальной философии. Этот закон можно определить следующим образом: *В человеческом обществе, как и на всех уровнях органической жизни, среда всегда доминирует над индивидами, а условия, присущие каждому отдельному и определенному положению, также определяют с неодолимой силой характер, природу, наклонности, чувства, мысли и действия всех индивидов, не делая ни для кого исключений.*

Одним словом, мы совершенно отрицаем свободную волю, если понимать ее в смысле самопроизвольного определения себя, независимо от всех внешних причин и влияний; и, верные нашей исходной точке, то есть принципу *всеобщей естественной причинности*, который определяет без всякого исключения, абсолютно и до мельчайших подробностей, во всем их существовании, а также во всех их проявлениях, все существа, – мы утверждаем, напротив, что каждый человек как таковой никогда не есть не что иное, как [продукт окружающей среды?]...

8. Привилегии развращают. – Становление и упадок Аристократии. – Нравственность есть человечность (с. 63-72)

Копия, сделанная неизвестной рукой, с исправлениями, сделанными рукой Бакунина.

...свое рыцарское обещание. Ей¹ нет нужды позволять себе физически и умственно огрубляться, ошеломляться монотонными деталями, усталостью и обычными невзгодами жизни. Освободившись от всего этого, горизонты привилегированного человека расширяются, его ум развивается, возвышается, обогащается. Его тело, не теряя при этом ни мускульной силы, ни естественной ловкости, становится более красивым, его манеры, отношения с окружающими смягчаются, облагораживаются, очеловечиваются. Свобода, которой он пользуется, умственное и нравственное превосходство, являющееся основой его привилегий, придают ему вид высокой чести и гордости, которые, кажется, провозглашают его право на руководство. Все эти причины, действуя одновременно, со временем создают действительно привилегированную расу, более красивую, более умную, более развитую в человеческом отношении, чем народ.

Народ тоже прогрессирует, но гораздо медленнее, так что сначала незаметная дистанция, которая отделяла его от его правителей, с каждым днем увеличивается и в конце концов превращается в пропасть. Привыкнув подчиняться и управляться высшими умами и высшей волей, он постепенно теряет самостоятельность своего естественного ума, ту полуинстинктивную личную проницательность, которой наделен каждый дикарь, находящийся в постоянной борьбе со всеми опасностями внешнего мира. – Чем больше он защищен провидением своих правителей, тем меньше он защищает себя сам и тем больше становится народом-овцой, зависимым от руководства своих правителей. Он думает мозгом своих правителей, а не своим собственным, в котором, следовательно, способности чувствовать и воображать развиваются за счет собственно мыслительных способностей; он чувствует и воображает гораздо больше, но размышляет гораздо меньше, чем небольшое меньшинство привилегированных, и это богатство чувств в сочетании с вынужденной бедностью мыслей естественным образом делает народ рабом религии, которая, в свою очередь, подчиняет его деспотизму священников, аристократии и королей. Сама его работа, безвкусная, монотонная, утомительная и управляемая скорее рутинной, чем мышлением, не способствует развитию его интеллекта; к тому же они становятся

¹ аристократии

все более утомительными и тяжелыми по мере того, как народ удаляется от дикой жизни; ведь по мере развития цивилизации население растет настолько быстрыми темпами, что дары природы вскоре перестают быть достаточными для его существования, и ему становится все более необходимым активизировать естественное производство путем более широкого применения коллективного труда. С другой стороны, общепризнанно, что объем работы, необходимый для существования прогрессирующего общества, всегда растет быстрее, чем число работников, так что доля труда, приходящаяся на каждого, постоянно увеличивается. Не менее верно и то, что в то же время потребности каждого человека умножаются и, следовательно, сумма удовлетворений также увеличивается, но не в той же пропорции, что и труд, откуда следует, что, все рассмотрев и взвесив, *прогресс цивилизации обычно имеет для трудящихся слоев населения следующее своеобразное последствие: он делает жизнь каждого рабочего более тяжелой; а с точки зрения свободного времени, которое ему оставляет его работа, а также с точки зрения его естественной независимости не от природы, а от всех привилегированных людей, когда-то бывших ему равными, он, прогресс, делает его менее свободным, более закованным, чем когда он был первобытным человеком.*

Не забываем, что в цивилизованных странах, то есть в Государствах, народ должен работать не только для того, чтобы обеспечить удовлетворение своих собственных нужд, но и для того, чтобы производить все необходимое для существования цивилизации этой благородной и умной аристократии, все более требовательной и расточительной, которая, желая руководить народом, избавляет его от необходимости подниматься собственной мыслью на высоту человеческого существования, – и что материальные потребности каждой аристократии, стимулируемые и утонченные самим развитием ее интеллекта, растут в бесконечно большей степени, чем потребности народа. Добавим к этому огромные расходы на государственную религию² и Государство, которые прямо или косвенно всегда ложатся всем своим весом на народный труд, и мы увидим, что в конечном итоге цивилизация, далеко не имея целью освобождение народа, напротив, сводит его к пассивной и страдающей роли массы, поработанной потребностями политической организации, которая становится для него все более чуждой; или к роли безмолвного пьедестала, на котором воздвигаются все привилегии аристократии со всем великолепием Государства.

Таким образом, только аристократия, в ущерб народным массам, развивается и действительно освобождается благодаря цивилизации Государств. Для нее преимущество очевидно, и если посмотреть на историю, то приходится признать, что за исключением очень короткого периода – примерно 300 лет – в течение которого блестяще, но, правда, слишком быстро, процветали несколько [Ионических?] демократий на небольшом участке территории, занятой древними Греками, – вся известная история человечества, от его зарождения до образования Соединенных Штатов Северной Америки, представляет нам только более или менее быстрый прогресс национальных аристократических меньшинств, которые сменяли друг друга в деле цивилизации, исключая огромные народные большинство, которые питали их своей кровью; – отсюда, с политической точки зрения и для всех тех, кто считает Государство конечным продуктом и высшей целью любой цивилизации, должен

² culte public, публичный культ.

вытекать этот фундаментальный и неизбежный закон, основанный на непогрешимом авторитете всеобщей³ истории всех времен и всех стран: *что человеческий род, взятый в массу, всегда угнетенный, страдающий и пассивный, обреченный на вечное рабство, варварство и безысходный принудительный труд, должен всегда смиряться с тем, что он ничто, чтобы оставить очень ограниченным меньшинствам возможность стать чем-то.*

Этот и без того печальный взгляд покажется нам еще более жалким, когда мы увидим, что это *что-то* сводится к очень малому. Ведь любая привилегированная цивилизация, именно потому что она привилегированная, несет в себе элементы развращения⁴ и неминуемой гибели. – Мы постараемся доказать это, развивая сам принцип любой аристократии.

Чем больше аристократия, в силу самих условий своего существования, как интеллектуальных, так и материальных, отделяется от своего народа – и мы видели, что это отделение является неизбежным следствием того, что в Государствах называется цивилизацией, – тем меньше она способна понимать нужды и отождествлять или объединять народные интересы со своими собственными, потому что ее собственные интересы и нужды становятся не только чуждыми, но и противоположными интересам народа. Она процветает только за счет народного богатства и живет только за счет его пота, поэтому она заинтересована в том, чтобы народ работал больше и получал от своего труда как можно меньше, чтобы под тем или иным предлогом она всегда могла завладеть большей частью его продуктов. Будучи меньшинством и, – никогда не обладая материальной силой, которая в действительности всегда находится в руках народа, – следовательно, чтобы иметь возможность постоянно эксплуатировать народ, она должна сосредоточить и удержать в своих руках всю власть Государства с исключительным правом им управлять. Она никогда добровольно не согласится ослабить свою власть, поделившись ею, даже в самой незначительной степени, с народом; поскольку хорошо знает, что всякая восходящая амбиция пробуждает аппетит, и что достаточно сделать ей малейшую уступку, чтобы вскоре быть вынужденным уступить ей еще больше. Она знает, что ее собственное процветание, само ее существование основано на ее эксплуататорской власти, а та, в свою очередь, основана только на ее абсолютном и исключительном господстве. Чтобы сохранить господство, она должна не допустить, чтобы в народе пробудилось желание разделить с ней власть и чтобы он никогда не осознал огромную силу, которая в нем заключена. Для этого она должна искусственно разделить его, чтобы он никогда не мог почувствовать и осознать свое коллективное всемогущество; она должна одурачивать и изнурять его постоянной огромной работой, чтобы не дать ему времени задуматься о причинах своих бед; она должна постоянно держать его в нестабильном⁵ экономическом положении, близком к нищете, потому что благосостояние порождает время на досуг, а досуг порождает мысли; она должна по возможности замедлять и сдерживать его интеллектуальное и нравственное развитие, чтобы он

³ unanime

⁴ corruption, коррупция, развращение.

⁵ Précaire, precarious. Весьма занятно, что Бакунин использует именно это слово, так распространенное сегодня.

всегда оставался погруженным в невежество и суеверие, которые естественным образом приводят к бессилию народа и его рабству⁶.

Мы видели, что исключительная власть аристократии основана в первую очередь на ее значительном превосходстве в интеллектуальном плане. Поэтому вполне естественно, что она ревностно стремится сохранить и даже увеличить пропасть, которая отделяет ее от народа в этом отношении. Для этого у нее есть два средства: первое, более сложное, но и более благородное, – это всегда опережать народ энергией, смелостью и быстротой собственного развития. Второй способ – искусственно сдерживать прогресс в области благосостояния, образования и просвещения народа. Первый способ обычно используют очень молодые аристократии, которые, еще не выйдя из героической эпохи, формируются и готовятся к завоеванию привилегированного положения; второй используется всеми аристократиями, которые, достигнув апогея своей власти, начинают чувствовать, что дальше им остается только спускаться вниз, но тем не менее стремятся сохранить и защитить от всех атак и требований народных партий свое приобретенное положение. – Именно в таком положении находятся сегодня привилегированные классы, и именно такую политику они проводят сегодня в отношении народного пробуждения в Европе – отчасти инстинктивно, но в большей степени сознательно.

История не знает ни одного примера, когда привилегированный класс, по собственной инициативе, без какого-либо сильного давления со стороны, движимый лишь любовью к справедливости и человечности, добровольно отказался от своих привилегий в пользу общего права, каким бы очевидным ни было это право. Привилегированные никогда не понимали и не будут понимать с доброй волей и искренностью справедливость, когда она выступает против них. – Привилегированный индивид, движимый своими личными мотивами, которые могли быть обусловлены либо его рождением, либо его воспитанием, либо даже некоторыми совершенно исключительными обстоятельствами его жизни, может исправиться и лично освободиться от ига наследственной несправедливости, присущей его классу, но весь класс в целом – никогда. – Вы можете, если у вас есть на то сила, разбить его, рассеять, уничтожить, но не реформировать, не изменить его природу, потому что эта природа: особая несправедливость, выражением которой он является, это его сущность, его жизнь, весь его смысл существования – одним словом, это он сам. – Любой класс, даже дезорганизованный и лишенный своей первоначальной силы, умирает в окончательном нераскаянии.

Это объясняется самым способом формирования классов. Все аристократии, как мы уже говорили, которые развиваются мирным путем и не берут свое начало в завоеваниях, сначала состоят из лучших людей: самых умных, самых способных, самых энергичных и самых преданных общему делу. Именно из этого превосходства и доверия, которое оно внушает общественности, для них вытекает привычка командовать народными массами, руководить ими и управлять ими, а для масс – привычка подчиняться им и позволять им управлять собой, что сразу же, наряду

⁶ Зачеркнуто «этому принудительному варварству, которое, даже если он будет потенциально умнее ее, всегда будет сильно мешать ему подняться своими мыслями до ее уровня.».

со многими неоспоримыми преимуществами, приводит к *двойному нравственному упадку: одновременно как правителей, так и управляемых.*

Мы уже говорили, что народы, которые привыкают подчиняться властям, нравственно разлагаются, потому что тем самым они отказываются от любой инициативы, от энергии собственной воли, от самостоятельности собственных мыслей и обрекают свой мозг на инертность и, следовательно, на грубость; но как только развитие мозга останавливается или даже замедляется, человеческая душа остается открытой для всех фантазмагорических глупостей суеверия; отсюда следует, что народы, которые предаются провиденциальному руководству своих правителей: классов или отдельных лиц, неизбежно становятся презренными рабами религии и через религию превращаются в рабов Государства – в своего рода корм для эксплуатации. – Теперь мы постараемся показать, как те, кто привыкает ими управлять, также нравственно разлагаются, причем в гораздо большей степени, чем народы, хотя и по-другому и по совершенно противоположным причинам.

Ничто не является столь опасным для личной нравственности человека, как привычка командовать. Самый лучший, самый бескорыстный, самый умный, самый чистый человек неизбежно и навсегда испортится, занимаясь этим делом. Что такое нравственность в своей сущности и в своей истинности, как не уважение к людям, признание человеческого достоинства, человеческой свободы и прав человека, как в себе самом, так и во всех других людях? Что такое безнравственность, как не презрение к человеку в себе самом и в других? – Ведь человечность каждого и всех всегда неразрывно связаны между собой? Итак, любой человек, который привыкает командовать, неизбежно станет предметом презрения со стороны других людей и, следовательно, также предметом презрения со стороны их и своей собственной человечности. Ведь эта человечность – это именно то, что *универсально*, то есть то, что каждый имеет общего со всеми другими людьми, и в тот момент и в той мере, в какой он отрицает это в своем ближнем, он отрицает это в себе самом – то, что мы называем человечностью, не имея иной основы, кроме человеческого равенства, не равенства людей как личностей, а равенства всех личностей как людей. Индивидуальность разделяет их, человечность делает их солидарными и равными. – Человек, который привык командовать другими и, следовательно, считает других ниже себя, в конце концов перестает видеть в других что-либо, кроме низших существ. – Равенство, человеческая солидарность между ними будет нарушена, он перестанет обращаться с ними как с людьми и вести себя с ними как человек – это будет означать потерю человечности во всех его отношениях с ними и, следовательно, потерю всякой нравственности и справедливости; он будет оценивать свои интересы и права по другим меркам, чем их: он будет эксплуатировать и угнетать их, а значит, он будет нравственно разлагаться.

Он не только нравственно падет, но и огрубеет, а его ум сам начнет угасать. Ведь что такое ум, как не способность понимать действительные отношения фактов и вещей? Но человек, который из-за относительного и, прежде всего, очень временного превосходства придет к выводу о своем праве на постоянное и абсолютное превосходство и который, потому что вчера он командовал успешно и с пользой для общего блага, будет верить, что он призван командовать всегда; человек, который, считая себя выше всех, в конце концов видит только низших в других людях, – которые

по праву человечности ему равны, – и который, привыкнув искать в других только недостатки и тупоумие и закрывая глаза на свои собственные недостатки, видит в себе только достоинства, – человек, который, презирая других, доходит до самопоклонения, – такой человек, по нашему мнению, обманывает себя и окружающих; его ум, искаженный тщеславием и эгоизмом, теряет чувство реальности, способность ее улавливать и понимать, и оказывается на пути к тупоумию.

Ум и сердце величайших личностей, наиболее одаренных природой, не исключая даже гениев, всегда являются продуктом социальной среды, в которой они рождаются, развиваются и действуют. Это истина, не допускающая исключений, которую мы без труда докажем, если рассмотрим естественные процессы формирования человеческого общества. Тем более это неоспоримая истина для множества выдающихся личностей, которые при рождении составляют некую аристократию. Их сердца и их ум, становясь верным отражением их особого положения, более или менее отделенного и отличающегося от низшего и подчиненного положения масс, всегда изменяются в зависимости от природы реальных интересов привилегированного класса, к которому они принадлежат. Они будут естественно и неизбежно обладать способностями, недостатками, достоинствами и пороками, присущими этому положению.

⁷ Это закон, который проявляется во всех аристократиях, во всех привилегированных политических группах; особенно он проявляется, когда в результате длительной череды смен поколений эти коллективные группы в конце концов образуют среди народных масс своего рода ограниченную и обособленную нацию, инстинктивно, по своей манере работать, есть и жить, не только благодаря унаследованным привилегиям, но и благодаря своим привычкам и нравам, и даже благодаря своему особому типу и внешнему виду.

⁷ Зачеркнуто «Это закон, который проявляется все более открыто по мере того, как аристократия, все более развиваясь посредством семейных союзов и политической, социальной и естественной преемственности, формирует своего рода отдельный и, так сказать, физиологически детерминированный организм – небольшую привилегированную и обособленную национальность среди национальной массы, более или менее поработанной, или, что то же самое, эксплуатируемой. Известно огромное влияние, которое оказывают на организм человека как внешние, так и внутренние условия жизни, для».

9. Бог, Религия, Метафизика, Гуманистический материализм и Позитивная Философия (с. 5-30)

І. Тожество Бога и «Я»

Если Вы рассмотрите конечные Существа, которые во всех смыслах заполняют это бесконечное или, скорее, неопределенное излучение¹ Пространства, Вы найдете между ними соотношения количества, качества, постоянной последовательности или причинности, взаимного и обоюдного действия и многое другое, что, определяя особое существование каждого из них, одновременно учит Вас познавать то, что называется общими законами природы. – Таков предмет *экспериментальной или аналитической* науки, которая, всегда продвигаясь от известного к неизвестному, чтобы в свою очередь сделать его известным, с каждым днем все глубже проникает в неисчерпаемые богатства реального мира, не имея возможности открыть его глубины. Эта наука занимается только конечными Существами и даже не знает о существовании Бесконечности, потому что никогда не встречала ее в этом мире.

Абсолютно неизвестное Существо, Бесконечность, Бог является исключительным объектом Религии и Метафизики. Никогда не встречая Его во внешнем Мире, где же человек нашел его понятие? В себе самом. Не находя Единства в этом мире, человек придает ему свое собственное, которое является ни чем иным, как *тождеством или абстрактным единством*² его «Я» в разнообразии его впечатлений, опытов и внешних и даже внутренних наблюдений; – что равносильно утверждению, что *Бог человека*, то, что он всегда искал с таким волнением и тревогой, ценой бесчисленных жертв и мучений, на протяжении веков развития и перемен, – *это он сам*, его человечность и свобода.

Это *бессознательное* или необдуманное перенесение человеческого «Я» в Мир, как мы видели, в *Религии* осуществляется посредством действия поэтической, творческой фантазии, а в *Метафизике* – посредством действия так называемого чистого разума, то есть сознательно лишённого всякого опыта, но который, из-за невозможности для него двигаться и производить что-либо в этом состоянии абсолютной абстракции, неосознанно и, так сказать, по памяти, своими синтетическими и почти спонтанными выводами имитирует движение действительной жизни, восприятие которой могло быть дано ему только опытом. Аналитическая наука, как мы уже сказали, продвигаясь шаг за шагом, исходит из известного, чтобы познать неизвестное. Напротив, метафизика и религия с первого же шага взмывают в небесные сферы и,

¹ Rayonnement, излучение, сияние.

² l'uniformité

в основном опираясь на синтез, стремятся объяснить известное великим и вечно Неизвестным... Да, неизвестное, пока оно остается в небесах, созданных нашим воображением; но как только оно спускается, мы узнаем в нем старое знакомое: *наше дорогое «Я»*, лишенное всякого реального содержания и стремящееся охватить весь Мир, чтобы заполнить себя.

Тот же процесс, с помощью которого религиозная фантазия создает своих Богов, повторяется в Метафизике, естественно, в других формах, посредством синтетического и абстрактного мышления. Религиозный человек, как мы уже сказали, переносит свои внутренние и внешние достоинства в вымышленное небо и, населив его божественными персонажами, созданными им по своему образу, но чрезмерно преувеличенными его возбужденным воображением, он преклоняется перед ним и поклоняется ему, не подозревая, что, делая это, он поклоняется самому себе и Миру. Точно так же Метафизик, сначала неосознанно, а затем сознательно, захватывает эту совершенно абстрактную и, по его мнению, абсолютную тождественность человеческого «Я» в вариациях реальной жизни и переносит ее за пределы человека, в платонические области чистого мышления, – как будто мысль как таковая могла бы существовать вне сознания отдельного, реального человека – называет его Богом, источником всей жизни, вечным Творцом человека и Мира, – и преклоняется перед ним в уме. – Отсюда следует, что если всякая Религия является лишь антропоморфизмом³, то всякая Метафизика является ничем иным, как бесконечно преувеличенной Психологией, – то есть, в сущности, обе они составляют, в разных формах, одно и то же, или, скорее, один и тот же мираж. – Сожительство Метафизиков с Религией породило все Теологии.

Теперь легко понять, почему аналитическая или экспериментальная наука, несмотря на свои широкие и реальные основы, надежность данных и разрушительную силу критики, оказалась недостаточной не для борьбы, а для окончательной победы над религией и метафизикой: первая из которых всегда была сентиментальным протестом против относительной ограниченности и недостаточности этой науки, которая, кроме того, до сих пор занималась почти исключительно физическими или естественными явлениями, не только не отвечая на самые серьезные вопросы, которые человек задает себе вопреки своей воле, но и игнорируя их; а вторая всегда основывалась именно на этой признанной недостаточности эмпирической науки, чтобы доказать свой долг и право искать Абсолют новыми путями, – ясно, что научный Эмпиризм не мог иметь влияния ни на метафизику, ни на Религию. Для уничтожения и того, и другого было необходимо, чтобы в междоусобной и братоубийственной войне метафизика сначала убила теологию, а затем, по логической последовательности и под действием саморазрушающей диалектики, покончила с собой, чтобы на руинах и той, и другой могла воцариться истинная наука – *позитивная Философия*⁴.

³ Антропоморфизм – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы и животных, растения, природные явления, сверхъестественных существ, абстрактные понятия и другое

⁴ В «Истории Социализма» в основном хвалит «позитивную философию», или просто «позитивизм», однако, критика этой философии также у Бакунина имеется, она высказана во втором выпуске

II. Разрушение религии метафизикой. Почему буржуазия прониклась религией?

Это великое дело научного разрушения христианской теологии и, в целом, всех религиозных систем посредством Метафизики было начато в новое время Декартом и Спинозой; затем было строго продолжено и с революционными последствиями подхвачено Кантом, подкреплено глубокой и Научной филологической и исторической критикой Немцев и одновременно вдохновлено двумя великими поэтами: Гёте и Шиллером, и было блестяще завершено Школой одного из величайших метафизиков всех веков, Гегеля, которого можно назвать также последним, поскольку он имел редкое счастье и славу довести метафизику до той точки, где, осужденная собственной диалектикой, она сама себя уничтожает.

Подход немецкой философии был совершенно иным, чем подход французских философов XVIII века. Оружием последних были потрясающий здравый смысл и удивительная эрудиция, которые помогли им раскрыть все прошлые и настоящие пороки Церкви. Они были движимы поистине революционной страстью к истине, добру, человечности и свободе. Предвестники великой бури, разрушившей феодальный мир, они ненавидели религию в целом и христианскую религию в частности за все зло, которое они причинили, за все добро, которому они продолжали и, увы, продолжают препятствовать. И с мстительным и жестоким сарказмом на устах, вооруженные дубиной, которую называют здравым смыслом, они открыто и прямо атаковали их, выкрикивая этот памятный лозунг: «Раздавите гадину!»⁵.

Они подготовили, ускорили и частично даже произвели Революцию. Но, как мы уже отмечали, они не уничтожили Христианство.

После ужасов Революции, среди множества других реакций, которые вполне логично последовали за ней, появилась и реакция религиозных чувств, которые были ошеломлены, запуганы и в течение некоторого времени подчинены, но не убеждены и тем более не удовлетворены философией здравого смысла и человечности. Само отвращение, которое эта революция, в значительной степени предсказуемая, должна была оставить в душах, в сочетании с новым отвращением, которое не могло не вызвать монотонный шум имперских побед и имперской фразеологии, этот триумф и постоянное злоупотребление силой над правом, жестокостью над идеей, естественным образом возродили во многих слабых, нежных, чувствительных и, прежде всего, бездеятельных душах религиозные чувства и, более того, религиозную сентиментальность. Красноречивый апологет палача и папы, Жозеф де Местр, поддерживаемый двумя самыми эгоцентричными⁶, самыми лживыми, наименее

«Кнута-Германской Империи и Социальной Революции» (Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов).

⁵ *Ecrasons l'infame!* – вольтеровский антицерковный лозунг, появившийся в потсдамской философском кружке в 1750е, возможно восходит к фразе Спинозы «Долой это пагубное суеверие!». Лозунг использовался Вольтером в переписке 1761-1768 годов. В XIX веке не использовался как актуальный лозунг, однако в СССР зажил собственной жизнью (автор русского аналога – Константин Бальмонт) и под «гадиной» понимали самодержавие, врагов большевизма, «врагов народа» 1930х, гитлеризм и постсоветскую «красно-коричневую» оппозицию.

⁶ *personnels*

религиозными и в то же время величайшими риториками начала этого века, столь богатого лжецами, виконтом де Шатобрианом и Наполеоном I, – вернул Католицизм на свои высоты. В Германии аналогичное движение, частично выросшее из пиетизма, а частично из мистической философии, было инициировано группой романтических литераторов. Это было время универсально интеллектуального и нравственного [упадка?], но только в высшем обществе, где мода требовала, чтобы каждый был бледным, худым, нервным, томным и очень сентиментальным. И поскольку религиозный триумф невозможен без участия женщины, ангел Севера, мадам баронесса Крюднер, очень мистическая и очень сентиментальная муза императора Александра I, прибыла с Союзниками в 1815 году в Париж. Вместе с ними вернулись и бывшие Кардиналы, Епископы и Иезуиты, изгнанные Французской Революцией. Реставрация, восстановление французской католической церкви было завершено.

Спустя десять лет появился новый луч божественной благодати, господин Альфонс де Ламартин. Начав свой путь с поэтических стенаний, он был поочередно: лже-католиком и лже-легитимистом, лже-либералом и лже-Орлеанистом, затем лже-республиканцем и даже лже-социалистом, – но всегда оставался верен себе, среди всех этих колебаний и предательств поэта, он закончил свою жизнь сегодня, как *очень реальный* пенсионер Империи, чрезвычайно прозаическими стенаниями, не имея даже права утешить свою старость, как Шатобриан накануне своей смерти, фразой, способной произвести впечатление на публику.

Главной чертой всей этой эпохи было болезненное преувеличение чувств и их фальшивость. Иезуитизм и протестантский Пиетизм слились воедино и вдохновили ее душу. Под маской святого идеализма и туманных, бесконечных мечтаний скрывалась изысканное и сентиментальное развращение, множество интриг, мелочная амбиция и огромное тщеславие. Впрочем, все это религиозное движение до 1830 года было сосредоточено в высших слоях Общества. Буржуазия, по крайней мере во Франции, была Вольтерианской, чрезвычайно либеральной и даже революционной. Что же касается народа, особенно Сельского, то он был религиозен скорее по положению, чем по убеждению, был естественным врагом священников, но внешне и по привычке был набожен, и таким он оставался до сих пор и будет оставаться до первой социальной революции.

Только после Июльской революции религиозное развращение начало проникать в буржуазный класс. Три причины подтолкнули ее к религии: первой был ее собственный триумф. Она заняла место дворянской аристократии и хотела сохранить его *целиком для себя*, не позволяя народу, руками которого она его завоевала, занять свое место рядом с ней. Для этого нужно было заткнуть рот народным массам, и что может быть лучше для этого, чем религия? Итак, «*народу нужна религия*», и чтобы навязать ее ему, нужно создать видимость, что он в нее верит и разделяет ее.

Вторая причина заключалась в новой романтической поэзии и литературе, зародившейся благодаря господину Виктору Гюго и его соратникам, которые развлекались восстановлением Средневековья с чисто художественной точки зрения и создали новую религию: культ искусства и, прежде всего, людей искусства. Это не было, как в Италии эпохи Возрождения, мощным и наивным расцветом искусства, это было лишь своего рода поэтические, тщеславные и развратные размышления об

Искусстве и прерогативах людей искусства. Можно было бы сказать, что сыновья буржуа, уставшие от того, что так долго были подавлены наглой тщеславностью молодых графов и маркизов, спешили воспользоваться победой своих отцов, чрезвычайно прозаичных Вольтерианцев, чтобы в свою очередь занять их место. Суть большей части этой новой литературы заключалась в избытке эгоизма, тщеславия и самых грубых индивидуальных appetits под предлогом какой-то идеи или, скорее, нескольких избыточных фраз. В глубине души они были абсолютно равнодушны ко всем всеобщим интересам и идеям; у этой буржуазной молодежи был только один идеал: купаться в роскоши, спать с маркизой, уничтожать своих соперников и всегда быть в центре внимания. Но поскольку было невозможно признаться даже самому себе в такой подлости, пришлось прибегнуть к некоторым самодовольным⁷ завесам, чтобы скрыть ее от глаз публики и от себя самого. Теория «Искусства ради Искусства», поддерживаемая и горячо пропагандируемая разнузданным и вычурным романтизмом с определенным умыслом, была одной из таких завес. Доктринерская философия, преподаваемая Государством, предоставила ему еще одну.

Третьей причиной была именно эта доктринерская философия, которая, взяв из немецкой философии все плохое и ложное: утверждение Абсолюта и, следовательно, абсолютизма, и оставив в стороне все хорошее: диалектику и, прежде всего, критику, привила уму этого бедного буржуазного поколения скороспелую мудрость или, скорее, официальную доктринерскую болезнь, способную убить самых живых.

Все эти причины вместе взятые сформировали в этой молодежи своего рода религиозное настроение⁸, не сентиментальное, как во времена Реставрации, а доктринерское, рассудительное⁹, которое выражалось с тем большей самоуверенностью, что, несмотря на ложное демонстрирование знаний, чуждое всякой критике, эта молодежь была на самом деле невежественна. Это настроение, которое, не становясь страстью, было полно упрямства, не будучи ни католическим, ни протестантским, ни даже христианским, ни мусульманским, ни Иудейским, ни языческим, просто называло себя деистическим и все равно без разбора принимало все догмы, полагая, что в них что-то понимает. Таким образом, прошедшее индоктринацию и сформированное по единому образцу, молодое буржуазное поколение, которое закончило колледжи после Июльской революции, искренне верило в бессмертие души и в Бога, имея для всех этих прекрасных верований только такие аргументы, как: «Мир существует, значит, Бог есть, поскольку, если есть Творение, то должен быть и Творец, так же как для того, чтобы существовали часы, нужен часовщик. – Нет действия без причины, а первопричина – это Бог» – или¹⁰ «Этот мир плох, значит, должен существовать мир лучше». – Душа остается неизменной среди всех изменений тела, следовательно, она отличается от тела и отделена от него – Я мыслю, следовательно, я бессмертен»... и так далее. И именно на основании этой жалкой, но патентованной мудрости, а также во имя Канта и Гегеля, которых эти молодые люди никогда не читали, и которых господин Кузен, их Учитель, сам никогда не понимал, они считали себя вправе презирать Энциклопедистов и Вольтера и называть их глупцами!

⁷ complaisants

⁸ disposition

⁹ raisonneuse

¹⁰ Отсюда начинается следующий Фрагмент, под цифрой 10

Мы так долго останавливались на развитии Французской молодежи в период Реставрации и Июльской Монархии, потому что своей литературой и своим примером она отравила умы привилегированных классов и буржуазии, особенно в Европе, и потому что именно она вызвала как религиозную, так и политическую реакцию в 1848 году и послужила удобной ступенькой для узурпатора 2 декабря¹¹.

Но в то время как она использовала немецкую философию, которую знала только понаслышке, чтобы воздвигнуть на руинах Вольтерианства развращенный и глупый идеализм, Немецкая Философия систематически приступала к разрушению Христианства и всех религиозных идей. Только, как мы уже сказали, она поступала совсем иначе, чем великие Французы XVIII века. Немецкие философы были обычными, спокойными и очень уважаемыми учеными. Многие из них даже наивно называли себя и до сих пор продолжают называть себя теологами, как [Фридрих?] Шлейермахер, доктор Давид Штраус или братья Баур в Тюбингене в наши дни. Итак, они подошли к Христианству и этой старой Даме-Религии, сняв шляпы и со всевозможными почтительными поклонами, смиренно прося их рассказать историю и предоставить подлинные доказательства своего происхождения и развития. И, изучив их писания, традиции и деяния, они с огромной радостью обнаружили, что все языческие, иудейские, мусульманские и христианские теологии были ничем иным, как извращенной и замаскированной метафизикой, – еще не осознавая, что всякая метафизика, в свою очередь, есть ничто иное, как изысканная и утонченная абстракция Религии. – Кроме того, они обнаружили в самой религии *имманентность Божества*, – то есть то, что все Боги, без исключения, включая триединого Бога Христиан, являются творениями человеческого разума, который ищет себя в процессе развития на протяжении веков¹², останавливаясь на каждой религии как на этапе своего собственного развития, а затем проходя мимо и разрушая ее, чтобы создать новую. С помощью критики они доказали неподлинность религиозных книг, как иудейских, так и христианских, тем самым полностью разрушив всю религиозную историю как историю и воссоздав ее как систему символов и мифов. Они сделали больше: проанализировав саму природу и сущность любой религии, они доказали, что Христианство было последней фазой возможного религиозного развития и что, следовательно, если не отказаться от любого нового прогрессивного движения¹³, Христианство, перестав быть религией, должно было превратиться в философию.

Их доказательства, основанные одновременно на самой строгой логике и на несравненной критике, убедили многих мыслителей, – но Христианство все равно продолжает жить. Таким образом, немецкая философия также оказалась неспособной избавить нас от этого Божественного призрака, который стоит между нами и народными массами. Отчасти это объясняется сложностью понимания немецкой философии, но есть и более серьезная причина: в ней самой заложено неразрешимое противоречие: она разрушает Бога и сама настолько полна им, что даже когда кажется, что она занимается реальным миром и реальными вещами, которые наполняют этот мир, в глубине души она имеет в качестве объекта только Бога – Бога,

¹¹ Императора Наполеона III, восстановившего монархию и правившего Францией до 1870 года.

¹² se cherche à travers les évolutions des siècles

¹³ В религиозной сфере, то есть если не останавливаться на нынешней религии, а позволить религии развиваться и изменяться, то она превратится в философию.

то есть это абстрактное и так называемое абсолютное тождество «Я» – чистую мысль, не имеющую объекта. Эта мысль отрывается от себя самой, чтобы погрузиться в реальный мир, но она проходит его с единственной целью – найти себя; и в конце концов она находит себя, возвращаясь к исходной точке, то есть в полной абстракции, такой же пустой, как и раньше. Это история самого Бога... помимо всего, что ему приписывают люди, он лишен всякого содержания, – он ничто.

Дойдя до этого момента, Метафизика сама себя осудила и приговорила, и в качестве исполнителя этого не подлежащего обжалованию приговора появился самый замечательный и оригинальный мыслитель всей гегелевской Школы: *Людвиг Фейербах*. В двух очень коротких, но, несмотря на свою краткость, имеющих огромную ценность сочинениях («das Wesen des Christenthums»¹⁴ – и «das Wesen der Religion»¹⁵ –) он нанес смертельный удар всей метафизике и всей религии перед судом разума.

III. Что дала Метафизика Науке?

Умерла ли Метафизика, не оставив нам никакого наследия? Это невозможно. Наука, каким бы тщетным ни был ее объект: Бог, но которая с тех пор, как человечество поднялось до первого самосознания, занимала исключительно умы величайших гениев всех веков, не может исчезнуть так, не оставив сокровищ человеческому знанию. Она не может даже потеряться, она может только преобразиться, и именно сегодня она преобразается на наших глазах, переставая быть наукой о неизвестном, чего нет или, по крайней мере, для нас, людей, никогда не может быть, и становясь той *позитивной и реальной Философией*, о которой мы поговорим чуть позже.

Первое большое благо, оказанное нам Метафизикой, заключается в том, что она мощно натренировала человеческий ум, увлекая его в обширную область трансцендентных спекуляций, и тем самым развивала в нем чувство и понятие универсальности. Она приучила его думать, то есть подниматься от частного факта к общему, от определенного явления к закону, который им управляет или который проявляется в его существовании; она научила его замечать и распознавать различные отношения, которые определяют вещи, объединять или подчинять их в соответствии со степенью их относительной важности и рассматривать их с точки зрения более или менее универсальной системы, в которой каждое существо, занимая место, которое ему принадлежит в соответствии с его особой природой, составляет неотъемлемую часть органического и неделимого Целого. – В этом отношении какая огромная разница между гением Платона, который, возвышаясь над всем миром, стремится понять его в целом, и бедным умом дикаря из леса, который, мало отличаясь от гориллы, – возможно, его Адама, его первобытного предка, – едва ли способен осознать разницу между одним внешним объектом и другим. Учитывая гениальность, естественные элементы и физиологические условия которой, кстати, можно найти и у Эскимоса, следует признать, что эта разница обусловлена (в первую очередь) ранним развитием человеческого ума сначала религией, а затем метафизикой.

¹⁴ «Сущность христианства» (1837), переводы на русский язык: П. Н. Рыбникова (Лондон, 1861), В. Д. Ульриха (СПб., 1906), Ю. М. Антоновского (1926).

¹⁵ «Сущность религии», 1845.

Второе благо, которое мы обязаны метафизике, заключается не в познании природы нашего разума, а в понимании того, как он работает, когда мы думаем. Что касается природы ума, то это, без сомнения, самый слабый пункт Метафизиков, потому что они всегда искали ее вне материальной природы, единственной живой и реальной, там, где ее никогда не могло быть, поскольку там ничего нет, – в Боге. С другой стороны, метафизика наблюдала в реальной жизни, в истории и в самом процессе использования ума условия развития как индивидуального, так и коллективного разума, а также общие законы, которым каждый обязательно следует, когда думает. Правда, что в этом она, не подозревая об этом, занималась чистым эмпиризмом. Это было уже не дедукция, а анализ и наблюдение. Аристотель, первый и величайший аналитик разума, отец логики и диалектики, понятых как система, и первый, кто попытался создать систему человеческих знаний, может также считаться основателем *позитивной Философии*. Он определенно предчувствовал ее, но не смог ее реализовать, во-первых, из-за недостаточности экспериментальных знаний, а во-вторых, потому что чистая метафизика, еще не завершившая всю необходимую эволюцию и, следовательно, еще не осознавшая свою беспомощность, не была тогда ни в коей мере готова отказаться от своих позиций.

Третья и самая большая услуга, оказанная метафизикой науке, заключается именно в том, что, до конца развив идею Бога, сначала зародившуюся в религии, а затем принятую ею самой, она полностью исчерпала ее и тем самым аннулировала. Она не ограничилась абстрактными спекуляциями об этой идее, – спекуляциями, которые, между прочим, прекрасно продемонстрировали тождество Бога с человеческим «Я»: Приняв название Философии Истории, Политики, Искусства, Религий и философских систем, Гегелевская метафизика уловила идею Бога в момент ее зарождения, с самого начала известного человеческому обществу, и следовала за ней шаг за шагом, во всех последующих развитиях, во всех теоретических и практических, индивидуальных, политических и социальных, художественно-литературных, научных и метафизических проявлениях, через века и у разных народов, – и везде и всегда констатировала ту же самую абсолютную идентичность божественного мира с духом времени и места, откуда она должна была неизбежно заключить, что, порождаемый на каждом новом этапе своего развития новым развитием человеческого духа на земле, этот божественный мир, далеко не составляя отдельного, реального, абсолютного и как такового превосходящего земной мир, является лишь миром-призраком, миражом или отражением того самого земного духа, который его создал, но который, поскольку еще не осознавал своей собственной деятельности, отделил свое творение от себя, поставив его даже выше себя, глупо преклонился перед ним и был вынужден подчиняться тем, кто взялся говорить от его имени.

Благодаря этой последней эволюционной фазе метафизики мы наконец-то знаем, что у нас нет Господа на небесах и, следовательно, мы больше не должны иметь его здесь, на земле. Благодаря ей мы также навсегда избавлены от всякого Дуализма: мы знаем, что нет двух Миров, нет двух Существ, а есть только один Мир, одно Существо – называйте его как хотите: материей или духом, Богом или Дьяволом, Это не имеет значения, главное, чтобы оно оставалось единым. Но лучше называть его *Материей*. Все другие названия могут стать опасными, вызывая недоразумения; ибо человеческий ум настолько проникся малонаучными методами религии и метафи-

зики, благодаря постоянному применению первого и второго на протяжении более тридцати веков, что он сохранил и, увы! еще долго будет сохранять эти пагубные привычки, что, если он не будет внимательно следить за строгостью своих определений и научного метода, которому он должен следовать, он вполне может сам воспринять их и вновь впасть в первое или второе заблуждение.

Итак, в своем последнем завещании Метафизика учит нас, что существует только одно Существо, и мы называем его Материей. Является ли она однородной и непрерывной или состоит из бесконечно малых атомов? Являются ли ее атомы одинаковыми или качественно различными? Как возникает различие в Единстве материи? – По всем этим вопросам мы признаем свое полное незнание и, оставляя их ученым, не надеемся, что они смогут в ближайшее время дать более или менее удовлетворительный ответ¹⁶. Что касается нас, то мы знаем только, что материя находится в пространстве.

Таково последнее слово Метафизики, осознавшей необходимость своего конца. Она оставляет все остальное на откуп позитивной науке, однако не без того, чтобы навязать ей два обязательных и абсолютных условия: первое – никогда не подражать ее методу и не исходить из неизвестного для объяснения известного; второе – раз уж Материя дана как единственная основа всего сущего, то позитивная наука никогда не должна искать за пределами этого первого и единственного элемента какой-либо принцип или какую-либо созидательную силу, чуждую ей, чтобы объяснить либо разнообразие, развитие и восходящую последовательность фактов, которые мы называем собственно естественными, – включая механическое, физическое, химическое и геологическое формирование звездной системы в целом и нашего земного шара в частности, а также все степени органической жизни, – либо развитие еще более сложных фактов, которые составляют исключительно то, что мы называем человеческим миром:¹⁷ – такие как факты человеческой психологии и логики, а также факты коллективного существования людей¹⁸ – включая политическую и социальную жизнь, историю, религии, науки и искусства – факты, столь же материальные, как и первые, и которые являются ни чем иным, как их естественным продолжением и развитием, но которые метафизика и теология, именно потому, что обе исходили из внемирового, неизвестного и почти превосходящего материю принципа, хотели сохранить в полном отделении от того, что они называли материальным миром.

Одним словом, метафизика требует, чтобы ни при каких обстоятельствах и никогда не восстанавливался какой-либо Дуализм. Потому что, как только будет создан новый дуализм, переродиться религия, и метафизика должна будет опять возродиться, чтобы вновь доказать его недействительность.

¹⁶ Зачеркнуто: «Но мы знаем, что материя находится в пространстве и что, хотя она не всегда ощутима для нас из-за несовершенства наших чувств и инструментов, она всегда проникает, – то есть она [неразборчиво] то, что один называет законом всемирного тяготения.».

¹⁷ Зачеркнуто: «факты, столь же естественные или столь же материальные, как и первые, но которые метафизика и теология имеют».

¹⁸ Зачеркнуто: «включая развитие их политической и социальной жизни, все, что называется».

IV. Гуманистический материализм: право на полноценную жизнь; нравственность; будущее образование; общество и свобода воли.

А тем, кто склонен проклинать метафизику, жалуясь на то, что, обманув их обещанием познать идеальный мир и самого Бога, она бросила их в полном материализме, мы ответим, что этот материализм вовсе не заслуживает презрения. В отличие от древнего частичного и абстрактного материализма, который возвышался как анти-теза идеальному миру и как своего рода циничное отрицание человечности, наш материализм, который мы, если Вы позволите, назовем *гуманизмом*, охватывает без исключения все интеллектуальные и нравственные богатства, развитые человеком на протяжении веков; что, свергнув Божество, признав его небытие, мы ничего не отнимаем у человека, а, напротив, возвращаем ему, возвращаем на землю все человеческие и земные блага, которые ему одолжила религиозная вера; и что, отказываясь от Неба, мы ни в коей мере не отказываемся от тех великих устремлений, которые заставляют биться сердце человечества: ни от истины, ни от справедливости, ни от свободы, ни от любви, ни от вечной красоты! Напротив, мы отказываемся от Бога с тем большим счастьем, что мы убеждены: пока он будет считаться существующим, все эти блага, перенесенные на Небеса, будут вечно недоступны для нас, – и миссия человека становится сегодня тем более великой и прекрасной, что речь больше не идет, как раньше, о том, чтобы мечтать о фантастическом существовании в другой- [неразборчиво] жизни¹⁹, а о том, чтобы воплотить их в жизнь на земле благодаря нашим собственным знаниям и нашему собственному разумному и братскому труду.

Разница в форме между старой религиозной или метафизической точкой зрения и нашей огромна. Но суть остается прежней; она только преобразилась, и, можно сказать, улучшилась, потому что из символической она стала сегодня реальной и живой. Между этими двумя системами в отношении самой сути существует только одно существенное различие: мы откровенно отказываемся от бессмертия человека и знаем, что после его смерти воскрешение невозможно ни для одного человека. Но есть ли среди тех, кто называет себя христианами, много людей, которые действительно верят в бессмертие? Повседневный опыт доказывает, что нет.

Если только человек не устал от жизни, он не желает смерти. Жизнь так хороша. Смерть – это печальная, но неизбежная необходимость;²⁰ с этим нужно смириться. К тому же выжившие очень скоро утешаются, а мертвый, однажды умерший, больше не страдает от того, что не живет. Смерть составляет серьезную основу жизни. Она напоминает каждому, что у него есть только одна жизнь, и что он должен, следовательно, стараться прожить ее хорошо, чтобы реализовать, насколько это возможно, все богатства, которые он несет в себе. Отрицание бессмертия людей является одной из важнейших нравственных основ социализма: оно разрушает вымысел о²¹ воле, которая используется в так называемом праве наследования, и в то же время под-

¹⁹ dans une vie d'autre-[illisible].

²⁰ Отсюда, через зачеркнутые слова, начинается одиннадцатый фрагмент.

²¹ Возможно, здесь Бакунин забыл вставить слово «свободной».

тверждает, в соответствии с особой природой каждого, неоспоримое право всех на полноценную жизнь.

Но, скажут, – что Вы будете делать с нравственностью? Раз Бога нет, то нет и братства, и долга, и справедливости, и остается только эгоизм! – Да, с гибелью теологии и метафизики, а вместе с ними и Вашей юриспруденции, – нравственность и справедливость, естественно, не должны погибнуть, а должны преобразиться, и они преобразятся, избавившись от всего искусственного, ложного, божественного в себе и став, впервые в истории, чисто человеческой нравственностью и справедливостью.

Что такое истинная нравственность, как не полная осуществление человечности в отношениях между людьми? Для индивидуума это уважение к человечности в себе и в других; это гордое сохранение своего достоинства, своих прав и своей свободы, уважение к жизни, личности, труду и плодам труда, правам и свободе каждого. И разве не является величайшим триумфом братства не только любовь к человеку, но и любовь к свободе ближнего, а также признание в свободе всех не отрицания, не ограничения, а, напротив, подтверждения и бесконечного расширения своей собственной свободы? Что же такое справедливость, как не реальное равновесие, уравнение, совершенный баланс между властью и долгом, между тем, что каждый делает и получает, – одним словом, осуществление наибольшей свободы каждого в политическом и социальном равенстве всех? – И разве коллективная нравственность, нравственность всего общества, не заключается в общем процветании, основанном исключительно на справедливости, труде, свободе и подлинной человечности каждого?

Теперь мы задаемся вопросом: возможны ли *эта* нравственность, *это* братство, *эта* справедливость, единственные, достойные этих имен, возможны ли они в нынешней организации общества, с его законами, с его юридическими, гражданскими, политическими, экономическими и общественными учреждениями, с вытекающими из них обычаями и нравами, которые, полные уважения к положению и вещам, испытывают только презрение к людям, – с этой христианской религией, основанной в сущности на презрении к человечности?

Большая ошибка всех моралистов прошлого и настоящего заключается в том, что они всегда рассматривали нравственность с точки зрения отдельного индивидуума и основывали ее на свободной воле. Что такое свободная воля? Это в каждом человеке разрыв в непрерывном потоке причин и следствий, столько же изолированных точек в мире, каждая из которых наделена уникальной способностью самоопределяться и действовать самостоятельно, без малейшей внешней причины, – одним словом, это невозможность. Ибо нет следствия без причины, повторим на этот раз вместе с французскими Деистами. Позитивная наука сначала доказывает нам, что психология полностью основана на физиологии, что она является лишь ее простым продолжением или, если Вы хотите, высшим развитием, и что, следовательно, в человеке не может быть интеллектуального или нравственного движения, которое не было бы определено какой-либо физиологической причиной? А статистика доказывает Вам, с другой стороны, что человек всегда находится под влиянием своей общественной среды, и что гораздо больше, чем он сам, общество является причиной характера его поступков. Известный французский статистик Кетле, обнаружив, что ежегодно в Париже совершается примерно одинаковое количество самоубийств и преступлений,

и доказав, что такое необычное повторение одних и тех же цифр может быть обусловлено только общими причинами, восклицает в одной из своих замечательных работ: «Очевидно, что преступления подготавливает общество, а отдельные люди лишь их совершают». –

Но что же тогда остается от свободы воли? А раз свободы воли нет, то со стороны общества могут и должны существовать меры по сохранению и спасению общества, правильно или неправильно рассчитанные, но справедливых требований, законных наказаний не будет – а со стороны индивидуумов не будет ответственности! Если доказано, что именно общество порождает преступления, совершаемые отдельными людьми, то, раз оно так привязано к системе требований и наказаний, пусть наказывает само себя, реформируясь таким образом, чтобы породить нравственность отдельных людей, а не их преступления.

Чтобы сделать возможной как индивидуальную, так и общественную нравственность, измените общество, измените также образование и воспитание Детей. Дайте всем детям одинаковое человеческое образование, которое, избавившись от всего религиозного яда, будет основано исключительно: на уважении к человеку, презрении к лжи, любви к правде, уважении к свободе в себе и в других, справедливости, привычке и уважении к труду. Сделайте так, чтобы дети уважали труд и считали [леность?] трусостью. –²² По возможности, позвольте маленькой республике²³ управлять собой, вести и судить себя, чтобы приучить детей к общественной жизни и деятельности. Развивайте их тело так же, как и ум, с помощью гимнастики, к которой Вы можете добавить военные упражнения. Обучайте их искусствам и ремеслам и позволяйте им свободно садиться за труд, чтобы дать им первые азы и привычки к объединению²⁴. Дайте им, наконец, прочное, рациональное образование, основанное на точных²⁵ науках и абсолютно чуждое метафизике и религии. Говорите им об этом только тогда, когда дойдете до истории человеческого общества. – Но прежде чем дойти до этого, начните с математики, физики, химии и естественных наук, чтобы приучить их к наблюдению и экспериментам, то есть к упражнению аналитических способностей ума. Синтез им даст позитивная Философия, к тому же ум детей и так полон естественного синтеза. – Их отличает привычка к анализу, которую необходимо в них развивать, чтобы дисциплинировать и свести к правомерному²⁶ действию этот синтез. Кроме того, преподавайте им теологию, метафизику и юриспруденцию только как историю человеческих заблуждений, которые, несомненно, были необходимы для развития ума, но от этого не становятся менее плачевными. Извлеките из всего этого обучения как из заключения всего²⁷ не культ, это было бы тогда религиозным чувством, – а уважение к человечности, свободе, справедливости, труду, – а затем отправьте их, взрослых и свободных, в публичную жизнь общества. И если они найдут там такое же уважение, если новое общество будет основано

²² Зачеркнуто: «Дайте им прочное, рациональное образование, основанное на позитивных науках».

²³ Возможно имеется ввиду дать детям самоуправление, что могло бы быть похоже на своеобразную республику детей.

²⁴ les habitudes de l'association, также, «привычки к сотрудничеству».

²⁵ positive

²⁶ légitime

²⁷ dégagez de tout cet enseignement comme résumé du tout

на принципах, которым их научили в школе, – тогда, поверьте, они очень быстро найдут там свое место. – Они будут и останутся на всю жизнь гордыми, свободными, полезными и нравственными людьми. – Преступления, не имеющие причины и, следовательно, очень редкие, будут тогда рассматриваться и лечиться как болезнь, – подвергаться режиму не тюрем, а больниц, а если преступник не согласится, то он просто тогда исключится из социальной солидарности и изгонится из общества. – Но давайте не будем забегать вперед и вернемся к нашей теме.

V. Позитивная философия

Позитивная Философия, наследница Метафизики и Религии, давно предвиденная и подготовленная самыми благородными умами, впервые была задумана как законченная система великим мыслителем *Огюстом Конт*ом, который в достопамятной работе, опубликованной под этим же названием, умелой и смелой рукой проследил ее первоначальный план.

Позитивная Философия глубоко отличается от Метафизики тем, что ее предметом является только мир или система известных вещей и что, как и эмпирические науки, она никогда не исходит из неизвестного, чтобы объяснить существование известного. – Более того, она полностью абстрагируется от вопросов, которые исключительно занимали Метафизику: Бог, Бесконечность, Абсолют, вещь в себе, то есть Существо вне явлений, которые доходят до наших чувств и нашего познания, столько же объектов, которые она не только игнорирует, но и к которым она признает полное безразличие. В ее глазах все это – миражи и призраки. Но поскольку миражи и призраки являются неотъемлемой частью развития человеческого разума, поскольку человек обычно достигает познания простой истины только после того, как вообразил и исчерпал все возможности, и поскольку развитие человеческого разума является реальным объектом науки, – позитивная философия рассматривает все эти вопросы на их месте, то есть с точки зрения истории, и в то же время стремится показать нам как естественные, так и исторические причины, объясняющие зарождение, развитие и упадок религиозных и метафизических идей, а также их относительную и временную необходимость в эволюции человеческого разума. – Таким образом, она воздаст им справедливость, на которую они имеют право, и навсегда избавляется от них.

Позитивная философия отличается не только от *экспериментальных наук*, но и от *отдельных позитивных наук* тем, что ее предметом является [действительный мир?]

10. Кузен. – От теологии и метафизики к науке (с. 13-14)

(Начало этого десятого фрагмента в девятом фрагменте, в главе «II. Разрушение религии метафизикой. Почему буржуазия прониклась религией?», однако не зачеркнутый текст относится к главе «III. Что дала Метафизика Науке?»)

¹[«Этот мир плох, поэтому должен существовать другой» – «Душа остается равной себе во время изменений в теле, поэтому она отличается от тела и отделима от него. Я мыслю, следовательно, я бессмертен». И это [неразборчиво]² этой жалкой, но патентованной мудрости, во имя Канта и Гегеля, которых она никогда не читала и которых господин Кузен, ее Учитель, никогда не понимал, она думала, что вправе презирать Вольтера и Энциклопедистов!

Литература, созданная этими молодыми людьми, испортила вкус и дух Европы, и это]

Третья и самая большая услуга, оказанная метафизикой науке, состоит именно в том, что, развив до конца идею Бога, заложенную религиозным чувством, она полностью ее исчерпала. Она не стала довольствоваться абстрактными спекуляциями об этой идее, которые, кстати, прекрасно продемонстрировали ее тождество с человеческим «Я». Приняв название философии истории, политики Искусства религий и философских систем, гегелевская Метафизика запустила эту идею с момента ее рождения, у известных истоков человеческого общества, и преследовала ее во всех ее последовательных развитиях и во всех ее проявлениях, сквозь века и народы, в культе, в политической и общественной жизни, в литературе, в Искусствах и науках и в философии каждого из них – и везде отмечала это же абсолютное тождество божественного мира с духом³ эпохи и места, из чего непременно должна была заключить, что, созданное в каждой новой фазе своего развития новым развитием человеческого ума на земле⁴. Божественный мир, отнюдь не представляющий собой мир

¹ В квадратных скобках зачеркнуто, не считая момента с «[неразборчиво]».

² Слово «это» принадлежит слову, которое не удалось разобрать (это [чье? кого? принадлежит кому?]), при этом само неразобранное слово принадлежит уже следующему слову «этой» ([что-то чье? принадлежит чему?] этой... мудрости).

³ l'esprit – ум, дух, умонастроение, сознание, разум.

⁴ Так в тексте, предложение не завершено, либо по вине Бакунина, либо по вине амстердамских переписчиков.

отдельный, высший, абсолютный, был лишь призрачным миром, миражом, отголоском⁵ разнообразия, развития и последовательности фактов, которые мы называем естественными, – в том числе неорганического образования земного шара, а затем органической жизни, вплоть до человека, что еще более сложные факты, из которых складывается то, что называется человеческим миром и которые являются фактами, столь же естественными, как и первые, но которые, согласно древнему методу метафизики, до сих пор относились к более высокому и совершенно отдельному порядку вещей, под именем [божественного] мира⁶...

⁵ Зачеркнуто «разума (l'esprit) самого человека, который в неведении о самом себе, [неразборчиво] и что этот разум». Также далее зачеркнуто отдельно «этого все земного разума и который, поскольку он еще не осознавал своей собственной деятельности, отделяя свой продукт от самого себя, помещал себя вне самого себя, как божественный мир, перед которым он должен был преклонять колени и трепетать, и (un po[...])».

⁶ Здесь должно было, видимо, следовать прилагательное или существительное, отвечающее на вопрос «какого мира?». Если опираться на предыдущий фрагмент, здесь больше всего подходит слово «божественного».

11. Религиозная нравственность. – Свобода воли и материализм (с. 25-27)

(Начало этого фрагмента в девятом фрагменте, в главе «IV. Гуманистический материализм...»)

[Если только человек не устал от жизни, он не желает смерти. Жизнь так хороша. Смерть – это печальная, но неизбежная необходимость; и [жизнь?] покидает Вас]¹ и мы не знаем другого утешения, кроме этого: Те, кто выжил, скоро утешаются, а умершие, раз уж они умерли, больше не страдают от того, что не жили. Смерть – это серьезная основа жизни: она напоминает каждому, что у каждого всего одна жизнь, и поэтому каждый должен постараться прожить ее хорошо, чтобы наконец осуществить на земле все богатства, которые мы в себе несем. – Отрицание бессмертия индивидов во многом является одной из основ социализма; оно отменяет право наследования и в то же время подтверждает, в соответствии с особенностями природы каждого, право всех на полноту жизни.

Но что вы будете делать с нравственностью? Если Бога не существует и нет больше ни небесных обещаний, ни законов, ни божественных наказаний, то не будет ни отцовства, ни долга, ни справедливости, и не останется ничего, кроме одного эгоизма! Да, как только теология умрет, метафизика умрет, а вместе с ними умрет и Ваша юриспруденция, нравственность, естественно, должна будет не погибнуть, но преобразоваться. Но позвольте нам сначала спросить Вас, действительно ли то, что Вы называете нравственностью, было нравственностью и не воплощалось ли оно всегда в самой глубокой безнравственности, подобно тому как наша божественная справедливость никогда не проявлялась иначе, как через несправедливость? Что Вы называете нравственностью? Если это уважение к человеку, его жизни, его личности, его труду и его праву пользоваться всеми продуктами своего труда, – уважение к его свободе и его человечности, то разве Вы когда-нибудь практиковали ее? Разве все Ваши законы, Ваши юридические, политические, экономические и социальные учреждения, и вытекающие из них обычаи, как военные, так и гражданские, и Ваша религия, прежде всего, основанная на презрении к человечеству, не были всегда разрушительны как для этой нравственности, так и для истинной справедливости? – Истинная справедливость, не так ли? Это правильный баланс, уравнение, равновесие между властью и долгом, между делами и воздаянием² для каждого – это одним словом наибольшая свобода для каждого в политическом и социальном равенстве всех.

¹ В этом фрагменте отсутствует начало абзаца, поэтому приводим это начало из девятого фрагмента. Текст «и [жизнь?] покидает вас» относится к предыдущей странице, оно же там зачеркнуто. (et [illisible] Vous laissez et nous ne savons d'autre consolation que celle-ci)

² recevoir

Но создано ли Ваше общество для того, чтобы сделать возможным такую свободу и равенство? Основанное на божественной благодати, не подавляет ли оно всегда и везде справедливость в угоду привилегиям?³

Великая ошибка моралистов прошлого заключается в том, что они всегда рассматривали нравственность с точки зрения изолированного индивида и основывали ее на свободе воли. Что такое свобода воли? В каждом отдельном человеке это решение проблемы непрерывности всеобщего течения причин и следствий, точка, изолированная посреди мира и наделенная уникальной способностью действовать самостоятельно и без причины – одним словом, это невозможность, ибо не существует следствия без причины, повторим на этот раз с французскими Деистами. Поэтому это есть абсурд с точки зрения психологии и логики, а также абсурд с точки зрения общественной практики. С одной стороны, натуралисты доказывают Вам, что, поскольку психология полностью основана на физиологии, не может быть интеллектуального или нравственного движения без физиологической причины; с другой стороны, статистика доказывает, что человеческая личность определяется социальной средой и что именно общество, а не человек, является причиной его действий.⁴ Прославленный французский статистик Кетле, заметив, что в Париже ежегодно совершается почти одинаковое количество самоубийств и преступлений, написал в одной из своих работ: «Очевидно, что именно общество готовит преступления, которые отдельные люди просто совершают».

⁵[Что он знает об этом? – Это то, что если Вы хотите морализировать людей, то есть Вы хотите, чтобы они уважали в себе человеческое достоинство, любили истину и ненавидели ложь, любили труд и презирали праздность, были свободными и ненавидели рабство и деспотизм, были справедливыми, любили свободу других, находя в ней спасение и подтверждение своей собственной свободы –]⁶

1703. Лейбниц – Ньютон

1720 – Пьер [Бейль?]

1726 – *Вольтер*

1739. О духе законов *Монтескье*

1751. *Философия Ла [метри?]*

1758. *Гельвеций*

1759 *Энциклопедический Словарь*

1760. *Дидро*

1762. *Руссо*

1769. Французские экономисты [неразборчиво], [Гурне?]

³ В рукописи Бакунин не поставил здесь знака вопроса, хотя он напрашивается.

⁴ Зачеркнуто «Отметив, что в каждом [районе?] Парижа совершается почти одинаковое количество самоубийств и преступлений, прославленный статистик Кетеле в одном из своих путешествий добавляет такие достопамятные слова: «Это общество готовит преступление, а человек их совершает». – Таким образом, свободы воли не существует ни с точки зрения психологии, ни с точки зрения социальных наук.».

⁵ Зачеркнуто.

⁶ Можно легко представить себе конец этого абзаца: то вы должны морализировать индивидов и общественные учреждения, словом, закрепить экономическое и политическое равенство между людьми, потому как среда формирует поведение людей.

1764. Адам Смит [неразборчиво]

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
История Социализма (черновики Бога и Государства)
1870-1871

IISG

ru.anarchistlibraries.net